

СПЕЦВЫПУСК

ИЮНЬ/2018
УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№6 (147)

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Сбиты и забыты

Погибшие от своих

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

2

СВИДЕТЕЛИ ВОЕННЫХ
ПЕРЕВОРОТОВ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

12

НЕ ПОСЫЛАЛИ В БОЙ
НЕОПЫТНЫХ

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА

15

БИТВА ПОД
КИФАНГОНДО

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

21

«ОПРИЧНИКИ»
ГУВЕРА

Свидетели военных переворотов

Как работали советские военные разведчики во время мятежей, революций и путчей в Гане, Афганистане, Эфиопии и Ливии

Михаил БОЛТУНОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Поздно вечером, когда немного спадала жара, на открытой площадке советского посольства в Гане показывали кино. На просмотры собирались дипломаты, технические работники диппредставительства. Завершив дела, в этот вечер пришёл на площадку и помощник военного атташе майор Валерий Амосов. В Гану он приехал недавно, два с небольшим месяца назад, после окончания Военно-дипломатической академии. Показывали кинофильм о Сальваторе Альенде, Президенте Чили, свергнутом в результате военного переворота. Он погиб на боевом посту, как герой, с оружием в руках. С тех пор прошло пять лет, но советские люди помнили события сентября 1973 года. В театрах страны шли постановки популярной пьесы Генриха Боровика о событиях в Сантьяго. По радио звучали песни чилийского поэта и певца Виктора Хары. Кино о тех трагических днях смотрели в полной тишине. Последние сцены были особенно запоминающимися: Сальватор Альенде в своём кабинете с автоматом Калашникова, а за кадром нарастает гул пикирующих на дворец Ла Монеда бомбардировщиков.

Утром Амосов вдруг явственно услышал звук турбин реактивного самолёта, отдалённую стрельбу. Поначалу майор никак не мог понять, привиделось ли ему во сне вчерашнее кино или это наяву. Только наяву подобного быть не могло. Он точно знал: в Гане военные самолёты не летали. Несколько машин стояли в ангарах. Когда в аэропорту Аккра совершал посадку самолёт какого-либо международного рейса, военные выкатывали истребители из укрытий для демонстрации мощи военно-воздушных сил. Как только рейс улетал, закатывали обратно.

«Присниться же такое», — подумал Валерий Андреевич и повернулся на другой бок. Но гул турбин не умолкал. К нему присоединился крик встревоженного садовника Иосифа за окном виллы. И тогда помощник военного атташе понял: произошло что-то серьёзное. Он быстро набросил на плечи халат и выбежал на крыльцо. Садовник указывал пальцем на небо, где кружил истребитель, и кричал: «Переворот! Переворот!»

Действительно, в этот день в Гане произошёл военный переворот. Один генерал Фред Акуффо сместил с поста главы государства другого генерала Ачампонга. Правда, его через год тоже сместили. Но об этом Валерий Амосов узнал уже в Москве. Новый президент Акуффо, придя к власти, выслал помощника советского военного атташе из страны. Непонятно за что, но выслал. Успокаивало одно — на родину отправился и военный атташе США.

В ту пору в Африке то и дело происходили военные перевороты, и выполнять свои обязанности в таких условиях советским представителям было крайне сложно. Но если дипломаты и их семьи при опасном развитии событий, как правило, покидали страну, то разведчики, работавшие в аппарате военного атташе или под прикрытием посольских должностей, оставались на месте. Как бы опасно это ни было. Иначе кто отследит, проанализирует и передаст в Центр информацию об обстановке в стране, охваченной мятежом. В Главном разведывательном управлении даже бытовала такая невеселая шутка: каждому резиденту — по перевороту. «Свой» переворот пережил и Валерий Амосов.

Что ж, высылка из страны пребывания — дело весьма неприятное и крайне вредит карьере. Кстати говоря, после отъезда из Ганы за Амосовым всю его службу тянулся шлейф подозрений. Так, Республика

WIKIPEDIA.ORG

Бангладеш не дала Валерию Андреевичу агреман, то есть своё согласие на его назначение помощником военного атташе. Долго рассматривала предложение советской стороны и Индия. И только после ответных шагов Советского Союза он был назначен в аппарат военного атташе в Дели. А через месяц после его вступления в должность в журнале «Азиатская неделя», который издавался в Гонконге, но распространялся в Дели, появилась статья под заголовком: «В Индию прибыл крупнейший организатор военных переворотов майор Амосов».

Кстати, здесь, в столице Индии, с ним произошла странная, почти мистическая история. «31 октября 1984 года, — рассказывает Амосов, — нас вместе с коллегой пригласили в штаб BBC Индии. Резиденция Индиры Ганди находилась в полукилометре от нашего посольства. Всякий раз, следуя в штаб, мы проезжали мимо резиденции премьер-министра. Так было и теперь. Выхали в 9 часов. Двигаясь мимо резиденции, услышали хлопки, похожие то ли на выстрелы, то ли на фейерверки. Удивились, вроде бы главный индуистский праздник Дивали вчера закончился, а у Ганди ещё гуляют. Ничего другого и в голову не пришло.

Прибыли в штаб, обговорили рабочие вопросы, выезжаем, а весь район оцеплен полицией. Оказывается, когда мы двигались мимо резиденции, охранники-сикхи расстреливали Индиру Ганди».

А теперь представьте вопрос, которым могли задаться местные спецслужбы: «Что делал «крупнейший организатор военных переворотов майор Амосов» рядом с резиденцией премьер-министра в минуты покушения на главу государства?» Случайность? Безусловно. Но она могла дорого обойтись нашему помощнику военного атташе.

В русском языке насильственная смена власти описывается разными терминами. Но, как правило, они имеют отрицательную окраску. Слово «бунт» пришло к нам из польского языка и означает не что иное, как «мятеж», «восстание». Термин «путч», в своё время заимствованный немцами из швейцарского диалекта, переводится как

«удар», «столкновение». Близким по значению слову «переворот» является мрачное понятие «смута», идущее из глубин нашей истории. В XXI веке современные политтехнологи придумали замену всем этим неблагозвучным терминам. Теперь перевороты, путчи и мятежи именуются не иначе как «цветными революциями». Только вот прискорбно, что цветочки этих революций по-прежнему произрастают на крови.

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК ГЕНЕРАЛА ГРИВАСА

...В феврале 1972 года резидентурой советской военной разведки на Кипре был добыт особо ценный документ. Из него явствовало, что боевиками генерала Гриваса подготовлен вооружённый переворот с целью свержения законного правительства и президента республики. Обстановка на Кипре в те годы была поистине фронтовой. Греко-турецкое противостояние нарастало. Не проходило недели без каких-либо инцидентов. Три года назад турки неожиданным ударом, в одну ночь, овладели важным тактическим районом — горой Святой Илларион, полностью разгромив превосходящие силы греков-киприотов.

Во главе Кипра стоял архиепископ Макариос. В течение нескольких лет местная реакция, греческая «чёрная хунта», пыталась физически ликвидировать президента. Однако эти попытки результатов не дали. Противостоял главе Кипра мастер терактов и конспирации, жестокий генерал Георгиос Гривас. В период гитлеровской оккупации Греции он вошёл в состав организации крайне правых греческих офицеров. В 1944 году, после высадки в Греции англичан, создал террористическую организацию «Хитосы». Преследовал и убивал коммунистов. Видел себя в роли лидера киприотов.

После создания кипрского государства Гривас покинул остров, однако в 1971 году нелегально вернулся, чтобы организовать заговор против Макариоса. Под его руководством готовится несколько покушений

на главу государства: ему подсыпают отраву в еду, обстреливают из пулемёта вертолёт, в котором тот находился, пытаются уничтожить по пути следования, а также в церкви во время проповедей. Но Макариос остаётся невредимым. И тогда готовится военный переворот.

До начала путча оставалось несколько часов, когда резидент советской военной разведки на Кипре полковник Виктор Бочкарёв оперативным путём получил известие о вооружённом мятеже. Об этом было оперативно сообщено спецслужбам Кипра, и коварный замысел террористов провалился. Каково же было потрясение резидента, когда вскоре к нему в руки попал список, составленный путчистами, — в нём перечислялись фамилии тех, кого следовало арестовать и подвергнуть пыткам. Виктор Викторович увидел фамилию посла, сотрудников диппредставительства и свою собственную. Гривас подробно расписал, каким пыткам после переворота должны подвергнуться советские дипломаты, а также их семьи.

Реакция была незамедлительной. Посол покинул страну на полгода, дипломатический и техперсонал выезжали в город только группами. Но у разведчиков нет возможности отсиживаться за стенами представительства. Оперативная работа не должна была прекращаться ни на день.

Генерал Георгиос Гривас предпринимает попытку отомстить советским разведчикам. Он подготовил проведение террористического акта в гостинице «Лидра», на дипломатическом приёме в честь Дня Советской армии и Военно-морского флота. Террористы заложили бомбу в столик для посуды официантов. Боевики также попытались пронести в зал автоматическое оружие под видом фотоштатива и расстрелять гостей. Однако ничего этого не случилось. Нашим разведчикам удалось обезвредить бандитов. Агентура советского военного разведapparата на Кипре работала в этот трудный, взрывоопасный период весьма эффективно.

Гривас был вне себя от постоянных провалов. Он желал убрать с дороги мешавшего ему советского резидента. И поэтому в очередной раз покушение было устроено

не на президента республики, а на полковника Виктора Бочкарёва и его семью. Можно считать, их спасло чудо. Автоматная очередь прошла над головами Виктора Викторовича, его жены и двоих детей, когда субботним вечером они отдыхали на балконе своей виллы. Стена была изрешечена пулями. Пришлось сменить квартиру.

Позже генералу всё-таки удалось совершить военный переворот на Кипре. Президенту Макариосу, к счастью, удалось бежать, переодеться в одежду бедного пастуха и выйти в расположение английского экспедиционного корпуса. Но в это время полковник Бочкарёв был уже на родине и не мог противостоять террористу. Закончилась его зарубежная командировка. Виктор Викторович Бочкарёв позже в беседе со мной с сожалением говорил, что тот переворот можно было предотвратить.

ТАЙНА ДВОРЦОВОГО ПЕРЕВОРОТА В КАБУЛЕ

Предотвратить военный переворот... Сколь не простое это дело, как мы уже рассказали, столь и опасное. Но надо понимать: одна из составляющих работы военных разведчиков и есть опасность. В самой тихой стране, в мирное время они постоянно ходят по острию ножа. Впрочем, опасность бывает и в другом. Даже в том, что тебя просто не поняли, не оценили добытую информацию. И случилось это не где-то далеко, за тридевять земель, в чужом государстве, а на родине, в Москве, в родном Главном разведуправлении.

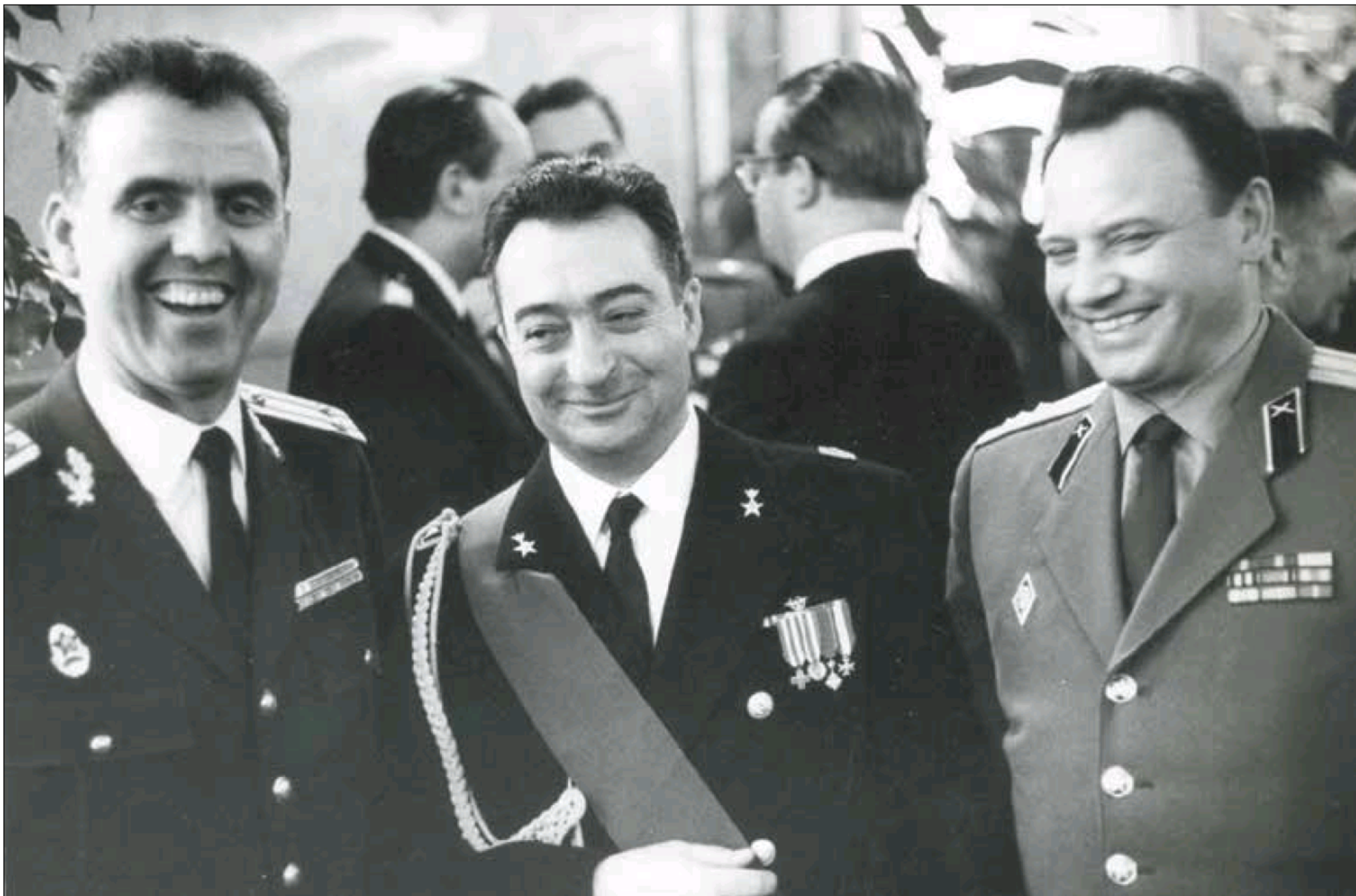
Нечто подобное произошло с полковником Владимиром Стрельбицким, военным атташе Советского Союза в Швейцарии. Весной 1973 года прилетел к нему в Берн афганский военный атташе в Индии. Прилетел неожиданно, проделав немалый путь из Дели в Европу. Признаться, афганский военный атташе поведаль тайну, за которую на родине его могли просто повесить. Он рассказал Владимиру Васильевичу, что в Кабуле готовится вооружённый дворцовый переворот. Двоюродный брат короля, принц Мухаммед Дауд, стремится свергнуть монарха Афганистана Захир Шаха.

Военный атташе был мудрым и прозорливым человеком. Он считал, что приход к власти амбициозного Дауда ничего хорошего не принесёт его стране. Полковник просил передать эту чрезвычайно важную информацию в Москву. Стрельбицкий выполнил просьбу. Но информация канула в Лету.

Эту историю Владимир Васильевич рассказал мне в начале 2000-х годов. Он признался, что в мыслях нередко возвращался к той встрече с афганским коллегой. Не зря афганец волновался. Дауд захватил власть, сбросил с престола короля Захир Шаха. Через три года сбросили и расстреляли его самого. И пошло-поехало... Амин приказал удушить Тараки. Советский спецназ ликвидировал Амина. Потом были Бабрак Кармаль, Наджибулла, талибы... Американцы... И война, война... Уже которое десятилетие она длится на афганской земле.

А что если бы удалось предотвратить свержение короля? Может, история двух наших стран пошла бы совсем другим путём. В Афганистане тишь да гладь, «шурави» здесь любят, как любили до войны, и у нас матери, рыдают на могилах погибших сыновей, потому что нет могил. Понимаю, история не имеет сослагательного наклонения. И всё-таки стоит задуматься, сколь ценна и жизненно важна подобная развединформация.

Впрочем, история, о которой мы рассказали, лишний раз доказывает, что не менее важна и сама реализация этой информации. Ведь военный переворот обретает порой лавинообразное движение, имеющее признаки хаоса и непредсказуемости, трудно поддаётся анализу. А Центр в такие часы и дни, наоборот, требует усиления потока информации, поскольку пытается разобраться в быстроменяющейся обстановке и донести её до руководства страны.

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬБИЦКИЙ (СПРАВА) С ВОЕННЫМИ АТТАШЕ РУМЫНИИ И ИТАЛИИ

«ЕСЛИ БУДУТ ВРЫВАТЬСЯ В КАБИНЕТ, ОТКРЫВАЕМ ОГОНЬ»

...16 мая 1989 года в 13.15 на улицах столицы Эфиопии — Аддис-Абебы появились бронемашин и танки. В различных частях города началась беспорядочная стрельба. Мятежники захватили Министерство обороны и Генштаб, расстреляли высших офицеров во дворе военного ведомства. Был убит министр обороны. Так начался военный переворот в этой древней африканской стране.

В последние месяцы обстановка там становилась всё сложнее. Из Советского Союза в Эфиопию шла мощная военная, экономическая, финансовая помощь. Только вот не в коня корм. Нельзя сказать, что правительство Менгисту не пыталось сделать жизнь эфиопов лучше. Кое-что даже получалось, особенно в социальной сфере. Но ростки социальных реформ были не заметны на фоне крупных экономических просчётов. В общем, с тех пор как Менгисту Хайле Мариам, устранив своих главных соперников, стал председателем Временного военно-административного совета, прошло 12 лет, но страна по основным показателям экономического роста по-прежнему топталась на месте. Не удалось окончательно преодолеть и последствия страшного голода 1984—1985 годов, когда умерло более миллиона человек.

Однако основной проблемой, с которой столкнулся режим Менгисту, были эритрейские, а также тиграйские сепаратисты. Они вели борьбу с режимом Менгисту и делали это весьма успешно. В армии росло недовольство центральной властью. А после тяжелейшего поражения под Афабетом в марте 1988 года, в войсках заговорили о скором падении Менгисту Хайле Мариама.

Обо всём этом резиденту военной разведки приходилось докладывать в Центр. А Москва, естественно, на такие доклады реагировала весьма раздражённо. Ещё бы — тысячи единиц техники, оружия, миллионы долларов помощи уходили, словно в песок. А тем временем Фронт освобождения Эритреи, Народный фронт освобождения Тиграя успешно наступали. По всем оперативным данным, недовольство военных достигло апогея. И вот грянул путч. Мятежников поддержал командующий 2-й армией, штаб которой был развёрнут в Асмаре.

«Для меня, — сказал он, — не имеет значения, что танки окружили здание Минобороны, — вспоминает полковник в отставке Александр Ерохин. — Я разворачиваю свою армию и иду на Аддис-Абебу. И столица падёт. Несколько десятков советников, которые находились в Асмаре, эфиопы разбросали по трём точкам. В штабе армии оставили десяток человек, и среди них я. Военный советник генерал Красноштан побывал у командарма. Тот

сообщил: «Иду на Аддис-Абебу. Вам находиться неотлучно на территории штаба. Один раз в день в сопровождении будете выезжать за продуктами».

Итак, разведчик Александр Ерохин, работавший под прикрытием советнической должности, и ещё несколько военных советников оказались запертыми в штабе армии. К счастью, эфиопы то ли по недосмотру, то ли за неимением времени, не изъяли у советников средства связи. Среди офицеров штаба армии у Александра Ивановича, естественно, были свои информаторы. От них он получал сведения, что называется, из первых рук и готовил шифрограммы. Принимал эти шифрограммы, обрабатывал их военный атташе полковник Владимир Луговой.

Для него, по сути, наступили военные будни. Каждые четыре часа шёл доклад в Москву. Если надо было сообщить что-то особо срочное, приходилось ехать в аппарат Главного военного советника. Узел связи находился не в посольстве, а в военном городке, где жили советники, на другом конце Аддис-Абебы. Там и телефон ВЧ-связи с Москвой. В эти тревожные дни к телефону ВЧ военного атташе вызывал министр обороны, начальник Генштаба, руководитель ГРУ.

А вот поездка в штаб Главного военного советника превращалась практически в специальную операцию. В столице был введён комендантский час, который действовал с 22 часов до 6 утра. А в связи с раз-

ПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР ЕРОХИН (ПЯТЫЙ СЛЕВА) С ГРЕЧЕСКИМИ И СЕРБСКИМИ ОФИЦЕРАМИ

ницей во времени получалось, что московские начальники звонили ночью. Но эфиопские патрули не догадывались о тайных желаниях советских генералов и по любой движущейся машине во внеурочное время открывали огонь.

Приходилось с упорными трудами и объяснениями согласовывать поездку с местной комендатурой и потом, с включёнными фарами, со светом в салоне, двигаться по строго обозначенному коридору. Нередко холодок пробегал по спине: а если не прошла команда и какой-нибудь патрульный даст очередь по движущемуся объекту? К счастью, все поездки закончились благополучно.

«Путчисты совершили большую ошибку, — считает Александр Ерохин. — Принято решение — надо действовать. А они совещаются день, другой... Обсуждают, спорят. Зато в это время действовали эфиопские спецслужбы, которые остались верными Менгисту Хайле Мариаму. Так вот, эфиопские «особисты» очень эффективно поработали в войсках, и на третий день штаб армии был окружён. Начался штурм. Длился он около часа. Шифрограммы я успел отправить в начале штурма и в конце.

Мы собрались в одной комнате. Снарядили автоматы, выложили рядом гранаты. Генерал Красноштан дал команду: «Оружие до последнего не применяй. Если уж кто-то будет врываться в кабинет, открываем огонь». Чувство очень неприятное, когда штаб забрасывают гранатами и поливают огнём из крупнокалиберных пулемётов. АКМ в руках кажется мухобойкой.

В общем, уничтожили всех, кто оказывал сопротивление. Одиннадцать заговорщиков расстреляли в штабе и трупы выложили перед входом. Среди них один или два командарма, несколько генералов и офицеров. А нас на третий день вывезли из Асмары самолётом».

Контрразведка Менгисту вылавливала, сажала, пытала, расстреливала каждого, кто мог быть причастен к заговору. Был расстрелян высший генералитет и старшие офицеры. Резко изменилось и отношение к советским военным советникам. Как признался один из них: «Было такое ощущение, что мы стали инициаторами переворота. Всю вину за свои провалы Менгисту попытался переложить на нас».

ВИЗИТ ПОЛКОВНИКА ИВАНОВА

Впрочем, в истории нашей военной разведки есть и блистательные спецоперации, когда мы в полной мере смогли воспользоваться результатами военного переворота, не зная о нём практически ничего. Речь идёт о перевороте в Ливии в 1969 году. Он стал большой неожиданностью для США и Великобритании. Хотя американские и английские войска размещались на ливийской территории не один год. Король Идрис I был свергнут.

В Вашингтоне, Лондоне и, разумеется, в Москве гадали, кто же станет новым руководителем страны и какой политике он будет следовать. Но никто толком не мог сказать, кто эти молодые офицеры, захватившие власть в Триполи. Известно было, что руководителя восстания звали Муамар Каддафи. Первой отреагировала наша военная разведка. В конце концов, их представителя — военного атташе двенадцать лет назад по указке США и Британии выбросили из Ливии. Не пора ли вернуться обратно?

Начальник ГРУ генерал-полковник Пётр Ивашутин решил срочно направить в регион своего представителя — замначальника африканского направления полковника Василия Иванова. Перед поездкой генерал Ивашутин сказал полковнику:

— Англичане и американцы в шоке. У них под носом свергли их ставленника. Но скоро они оправятся от удара и начнут действовать. Надо срочно лететь в Триполи и постараться встретиться с Каддафи. Любым способом добраться до него. Предложить нашу помощь и учредить аппарат военного атташе.

Иванов хорошо представлял, что там творится после военного переворота. Границы закрыты, связи нет. Даже если он проберётся в Ливию, как ему попасть к Каддафи? Кто знает, какие взгляды исповедует этот новый руководитель страны, захочет ли видеть у себя представителя СССР?

Прямого авиасообщения у Советского Союза с Ливией в те годы не существовало, и потому Василий Иванович вылетел в Каир. Послу и военному атташе в Египте были даны указания обеспечить его скорейший вылет из Каира в Триполи. Возможно, в другое время это и не составило бы труда. Из Египта постоянно летали самолёты в Ливию, и организовать визу для посольства не было проблемой. На это и рассчитывали в Москве. Но не учли одного: теперь в Ливии военное положение, и попытка получить визу для Иванова не увенчалась успехом.

5 сентября военный атташе Советского Союза в Египте надел форму, все ордена и медали и при полном параде поехал в ливийское посольство. Добился встречи с послом. Тот сказал, что хотел бы помочь, но, увы, не в силах. Таков приказ Триполи. Василий Иванович вновь и вновь анализировал ситуацию, пытаясь найти выход. Выхода не было.

6 сентября рано утром ему сообщили, что через два часа из каирского аэропорта летит самолёт в Ливию, но не в столицу Триполи, а в Бенгази. Выбирать не приходилось. Конечно, будучи опытным сотрудником военной разведки, он понимал, что крепко рискует. Иванов должен был обо всём доложить в Москву, дожидаться указаний Центра. Только кому они нужны, эти указания? Ко времени их прихода в посольство самолёт бы улетел, и другой такой okazji могло бы ещё долго не податься.

ВСТРЕЧА МИНИСТРА ОБОРОНЫ АВСТРИИ СТЕФАНИ (СЛЕВА) И МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР РОДИОНА МАЛИНОВСКОГО (СПРАВА). ПЕРЕВОДИТ В. БОЧКАРЁВ (В ЦЕНТРЕ). МОСКВА

Однако дело не только в указаниях Центра. Уже в самолёте он вспомнил: у него нет денег. В посольстве должны были выдать, да так и не успели. Волновал вопрос и с визой. Ведь виза у него тоже отсутствовала. Он представил, как это может выглядеть с ливийской стороны: иностранец, советский полковник, прибыл в страну, в которой только что произошёл государственный переворот, введено военное положение. Более того, этот полковник пробрался нелегально, без визы. Откровенно говоря, очень не хотелось оказаться в ливийской тюрьме.

Однако, к счастью, ничего подобного не случилось. В 10 часов утра самолёт коснулся бетонки аэропорта в Бенгази. Иванов покинул борт и направился в здание вокзала. Навстречу ему шли ливийские военные, но никто не обратил на него внимания. Василий Иванович вышел на площадь перед аэровокзалом, взял такси. Приехал в советское консульство в Бенгази. Иванов поведал консулу о своей миссии. Тот обещал помочь. Ждать пришлось недолго. Вскоре в ответ на звонок консула из представительства ливийского МИДа сообщили: в Бенгази находится Абдель Салам Желлуд (второй человек после Каддафи, член Совета революционного командования, в последующем министр правительства), и он через два часа приглашает Иванова на встречу.

К назначенному времени Василий Иванович вместе с консулом, который вла-

дел арабским языком, прибыл в указанное место, в гостиницу. Вскоре к ним вышел Желлуд. Иванов приветствовал нового руководство и сказал, что через несколько дней будет в Москве и готов доложить руководству Министерства обороны СССР, какую помощь хотела бы получить Ливия. Желлуд ответил благодарностью, но сообщил, что по поводу помощи ему всё скажет лично Муамар Каддафи, который примет советского представителя в Триполи.

7 сентября в середине дня Иванов был уже в Триполи. А встреча с Каддафи состоялась 11 сентября. Иванова вместе с советским послом в Ливии доставили в здание радиостанции, располагавшейся на окраине Триполи. Офицер извинился, сказав, что Каддафи очень занят и для беседы у него будет всего четверть часа. Столько перелётов, переездов, сложностей, волнений — и всего 15 минут. Да что тут скажешь, тем более при переводе с арабского.

...Муамар Каддафи вошёл в комнату с автоматом Калашникова. Он был одет в военную форму без знаков различия. Началась беседа. По поводу помощи Каддафи сказал, что сейчас новое руководство крайне занято внутренними проблемами, но вскоре обратится и к вопросам международным. Тогда и определимся. Но за предложение помощи большое спасибо.

Прошло четверть часа. Приоткрылась дверь, выглянул офицер. Каддафи махнул рукой. Дверь закрылась. Переговоры длились 45 минут. Полковнику Иванову удалось обсудить все вопросы, которые он планировал предложить к рассмотрению. ...Через два дня Василий Иванович вылетел из Триполи в Тунис, оттуда в Алжир и уже потом в Москву.

Остаётся только добавить, что советский военный разведчик был первым из международных представителей, с кем встретился новый правитель Ливии. Эта встреча сыграла важную роль в налаживании отношений Советского Союза с Ливией.

...В нынешнем неспокойном мире средства массовой информации то и дело взрывают сообщениями: в какой-то далёкой или близкой стране произошёл путч, мятеж, «цветная революция»... Впрочем, как его ни назови, а переворот он и есть переворот. И я твёрдо знаю: где-то там, в огне этих событий, работают люди, имя которым — военные разведчики.

Об авторе: Болтунов Михаил Ефимович — главный редактор журнала Министерства обороны «Ориентир», член Союза писателей России, автор книг о военной разведке и группах специального назначения «Альфа» и «Вымпел».

Фото из архива автора

ВАСИЛИЙ ИВАНОВ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С МУАМАРОМ КАДДАФИ, ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ. АЛЖИР. 1969

Профилактическое гранатометание

Как советские военные советники противостояли южноафриканским «боевым пловцам» в Анголе

Владислав НИКОЛАЕВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В достижении успехов ангольского народа в борьбе за независимость огромную роль сыграли поставки из СССР техники, вооружения и боеприпасов. После подрывов в 1985 — 1986 годах в портах Анголы поставки из Советского Союза оказались под угрозой срыва. (Подводные диверсанты разведывательно-диверсионных групп спецназа ВС ЮАР подорвали более 15 судов, принадлежащих разным странам. ЮАР поддерживало в Анголе антикоммунистическое движение УНИТА). Однако военные операции ФАПЛА — так называлась армия Народного движения за освобождение Анголы/МПЛА, которое поддерживал Советский Союз, — требовали бесперебойного обеспечения техникой и боеприпасами. В сентябре 1986 года, после спасательной операции по подъёму судов, подорванных в порту Намибе, главный военный советник (ГВС) поставил перед группой ВМФ задачу организовать противодиверсионную оборону (ПДО) и обеспечить безопасность советских судов во время их стоянки в портах Анголы. Для этой цели стало проводиться профилактическое гранатометание с одновременным контролем близлежащей акватории. При появлении вблизи судна плавающих неопознанных или подозрительных предметов (ящиков, сосудов, мешков и т. п.) их расстреливали из автомата.

Чтобы представлять, насколько важной и непростой была задача по ПДО советских судов в портах Анголы, когда противостоять приходилось группе военно-морских командос ВС ЮАР, приведём отрывок из воспоминаний Даниэля (Доу) Штейна (Douw Steyn), бывшего командира 4-го разведывательно-диверсионного отряда (4 Resce) ВС ЮАР, которыми спустя много лет он поделился при встрече с нашими бывшими советскими военными советниками, объединившимися в Союз ветеранов Анголы. Бывшие противники обсуждали спецоперации минувших лет:

— В ночь с 5 на 6 июня 1986 года в порту Намибе были взорваны советские сухогрузы «Капитан Чирков» (водоизмещение — 16 тысяч тонн) и «Капитан Вислобоков» (водоизмещение — 12 тысяч тонн), доставившие около 20 тысяч тонн оружия и боеприпасов для ангольской армии и партизан СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) и АНК (Африканский национальный конгресс), а также кубинский пароход «Гавана» (водоизмещение — 6 тысяч тонн) с грузом продовольствия. Руководство ЮАР тогда заявило о непричастности своей страны. Но советским боевым пловцам Черноморского флота удалось обезвредить одну из неразорвавшихся мин. На mine имела маркировка DD и порядковый номер 13. По конструкции и составу деталей был сделан однозначный вывод: мина сработана в стране, обладающей высокими технологиями. По свидетельству офицеров разведуправления ВМФ СССР, осуществить операцию такого уровня и масштаба в то время и в том регионе было по силам лишь профессионалам

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ВЛАДИМИР ОВСЯННИКОВ. ЛУАНДА. 1987

из спецподразделений Вооружённых сил ЮАР, специализировавшимся на морских диверсиях. Это была операция 4-го РДО (4 Resce)?

— Да. Кроме того, это была первая совместная операция сухопутной диверсионной группы и боевых пловцов. В этой операции мы задействовали два десантно-штурмовых катера ВМС: один из них перевозил боевых пловцов, а другой — сухопутную группу. На каждом из них было также по два воднолыжных катера. Каждый воднолыжный катер был рассчитан на двух бойцов. Операция предусматривала синхронные действия двух групп — они должны были согласовывать все свои шаги. Ни на одной операции мы не имели права разговаривать друг с другом, разве что в самых экстренных случаях — тогда мы использовали африкаанс. Атакуя суда, боевые пловцы никогда не выходили из воды. После десантирования с воднолыжных катеров (мы использовали «Барракуды») они плыли по поверхности, а, уже подойдя к цели, погружались, чтобы установить мины.

Ещё в 1980 году 4-й разведывательно-диверсионный отряд сильно повредил инфраструктуру нефтеперерабатывающего предприятия в порту Лобиту, в 1981-м тот же 4 Resce взорвал нефтеперегонный завод «Петрангол» в Луанде. В 1982-м севернее порта Намибе был взорван железнодорожный мост, имевший страте-

гическое значение для, в частности, транспортировки оружия в районы дислокации войск ФАПЛА и кубинской группировки, которые вели боевые действия в провинциях Кунене и Кванду-Кубангу. Диверсионные подрывы судов южноафриканский спецназ устраивал уже начиная с июня 1984 года. То, что затонувших советских кораблей в Анголе могло быть гораздо больше, подтверждает хотя бы очень эффектная операция 4 Resce — взрыв моста через реку Куито в 1987 году», — вспоминал те «славные» боевые времена бывший командир 4-го разведывательно-диверсионного отряда ВС ЮАР Доу Штейн.

В общем, противник у армии ФАПЛА и советских военных советников был серьёзный. Именно поэтому в 1984 — 1985-х годах в Анголе с помощью СССР была создана береговая система наблюдения (БСН) в составе радиотехнического батальона (РТБ) ВМФ Анголы. Специалист по радиотехническим средствам РТБ Владимир Овсянников ровно два года (1986 — 1988) провёл в Республике Ангола, помогая ангольцам. По его словам, операторы на постах БСН в основном справлялись со своими обязанностями, но что-либо настроить или отремонтировать самостоятельно не могли. Помимо должностных обязанностей личный состав группы советских военных советников и специалистов ВМФ выпол-

нял и особые задания. Владимиру Овсянникову и его товарищам приходилось заниматься «непрофильной деятельностью» — обеспечивать противодиверсионную оборону (ПДО) советских судов во время их стоянки в портах Анголы. Деятельность эта осуществлялась с помощью... профилактического метания гранат вокруг судна (при таком взрыве боевой пловец получает мощный гидродинамический удар). Обнаруживаемые в воде подозрительные предметы расстреливались из автоматов.

«Мы всегда уважительно относились к факту нахождения в Анголе русских, и мы знали об их возможностях, больше всего мы боялись попасться и оказаться у вас, русских, на допросе», — вспоминал на встрече с нашими ветеранами Доу Штейн.

Владимир Овсянников, уроженец Алматы, выпускник Высшего военноморского училища радиоэлектроники им. А.С. Попова, прошедший службу от матроса срочной службы до капитана 2 ранга — заместителя начальника Военного представительства МО. А тогда в Анголе он был старшим лейтенантом, который защищал советские и кубинские суда от диверсантов Штейна. Газета «Совершенно секретно» публикует отрывки из его воспоминаний, опубликованных в малотиражной книге «Мы свой долг выполнили! Ангола: 1975 — 1992»

Владислав Николаев

«Обычно брали с собой 10 — 12 ящиков гранат РГД-5, РГ-42, Ф-1. Расход колебался от двух до шести-восьми в час. Бросали гранаты в рваном ритме.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Подольск, Московской области, 142100
«11» апреля 2012г. № 11/ 218078
На № 050/434 от 3.02.2012г.

Начальнику отдела военного
комиссариата Московской области
по городам Пушкино, Ивантеевка,
Красноармейск и Пушкинскому
району

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Сообщаем, что Овсянников Владимир Петрович, 1954 г.р., находился в Республике Ангола в качестве специалиста по радиотехническим средствам РТБ берегового наблюдения РТО с 30 сентября 1986 года (приказ ком-ра в/ч 44708 № 0200 от 03.10.1986г.) по 30 сентября 1988 года (приказ ком-ра в/ч 44708 № 0204 от 10.10.1988г.).

Основание: ЦА МО РФ, учётная карточка работника, находящегося за границей.

Сведениями о непосредственном участии в боевых действиях Овсянникова Владимира Петровича на территории данного иностранного государства ЦА МО РФ не располагает.

Зав. архивохранилищем

Исп. Булыгина

Т. Киселёва

«ЗА 100 СУТОК Я ИЗРАСХОДОВАЛ ПОРЯДКА 3 ТЫСЯЧ ГРАНАТ»

Из воспоминаний специалиста по радиотехническим средствам радиотехнического батальона ВМФ Анголы (1986 — 1988-е годы), капитана 2 ранга в отставке Владимира Овсянникова:

«Осенью 1986 года с целью обеспечения безопасности советских судов при разгрузке в портах Анголы и сохранения необходимого объёма поставок между Министерством обороны СССР и Министерством морского флота СССР было заключено соглашение, в соответствии с которым Минобороны обеспечивало охрану советских судов в портах Анголы. Задача осуществлялась личным составом советских военных советников и специалистов группы ВМФ. К противодиверсионной обороне (ПДО) привлекались практически все специалисты группы. Со временем к охране перестали привлекать семейных.

Суда останавливались на внешнем рейде порта Луанды и направляли в базу ВМФ катер или спасательный бот. Катер забирали группу ПДО из трёх человек, один из которых назначался комендантом судна, а двое были гранатомётчиками. Вахту несли по четыре часа через восемь часов. Для обеспечения связи у дежурного группы ВМФ круглые сутки работала радиостанция Р-619. На дежурном 16-м канале поддерживалась связь с военной миссией и кораблями 30-й оперативной бригады Северного флота. На этом же канале поддерживала связь группа ПДО по судовой радиостанции. В помощь группе противодиверсионной обороны в ночное время выделялись наблюдатели из состава команды судна. По внешнему борту судна вывешивались лампы подсветки поверхности моря с целью засечь пузыри от дыхательных аппаратов подводных диверсантов или иные аномалии. Обычно в качестве наблюдателей назначался радист и моряки из боцманской команды.

С целью инициировать взрыв возможно установленных мин с взрывателем, срабатывающим от набегающего потока воды (с усами), при стоянке в порту под разгрузкой на советских судах периодически (раз в сутки) запускали двигатель на задний ход. Носовые швартовые концы натягива-

лись до предела, а поток воды от винтов, с бурунами, омывал весь корпус судна до носовой части. Операция продолжалась минут пять-десять.

Для прикрытия судна с моря в акваторию порта Луанды выходил ангольский торпедный катер и становился на якорь. С него тоже бросали гранаты. Прикрытие

порта с моря прекратили после того, как однажды налетел шквал, и катер потащило на наше судно. Двигатель на катере быстро завести не смогли, и произошёл навал катера на носовую часть нашего судна. Серьёзных повреждений не получил никто, но катера больше не применяли.

На судне группу ПДО ставили на довольствие. Комендант обычно питался в кают-компаниях с командным составом судна, а гранатомётчики — в столовой команды. Комендант имел на вооружении пистолет, а гранатомётчики — автоматы. И вахта у коменданта была собачья: с 04.00 до 08.00 и с 16.00 до 20.00. Но на вахте всегда имели автомат.

Отправляясь на судно, обычно брали с собой 10 — 12 ящиков гранат. На третий день стоянки судна в порту Луанды с базы ВМФ привозили ещё гранаты с учётом планируемого времени выгрузки. В зависимости от места стоянки в порту, характера груза и времени суток расход гранат колебался от двух до шести-восьми в час. Бросали гранаты в рваном ритме. Использовали гранаты РГД-5, РГ-42, Ф-1. А если судна направлялись на выгрузки в порты Лобиту или Намибе, то гранаты брали с запасом. Ящики с гранатами размещали или в выделенной для проживания каюте, или в помещении надстройки судна, от которой боцман выдавал мне ключ.

По советским правилам для отчёта об израсходованных гранатах было приказано сдавать кольца. При мне в сентябре 1986 года, прибыв с охраны одного из первых судов, старший группы мичман Барвинок Б.И. с ворчанием бросил в углу комнаты советников штаба ВМФ горсть из 400 с лишним соединённых вместе колец от использованных гранат и пожелал успехов тому, кто их сосчитает.

Ещё несколько раз в качестве отчёта об использованных гранатах группы ПДО привозили кольца, но потом стали составлять акт за подписью старпома судна и коменданта о количестве израсходованных гранат при выполнении мероприятий противодиверсионной обороны судна при стоянке в портах Анголы и скрепляли судовой печатью. Если в открытом ящике оставалось менее половины гранат, то их

расходовали в последние часы или тянули время расхода гранат из последнего ящика, чтобы не вскрывать новый. Если оставалось более половины ящика — отвозили на базу ВМФ вместе с неиспользованным боезапасом. Полные ящики укладывали в имеющийся штабель, а отдельные гранаты ссыпали в ящик в оружейном шкафу дежурного на базе ВМФ. Пополнение запаса гранат организовывал флагманский артиллерист, при мне это был Виталий Муравский. А кольца от гранат команда судна использовала для экзотических украшений, например шторок на иллюминаторах.

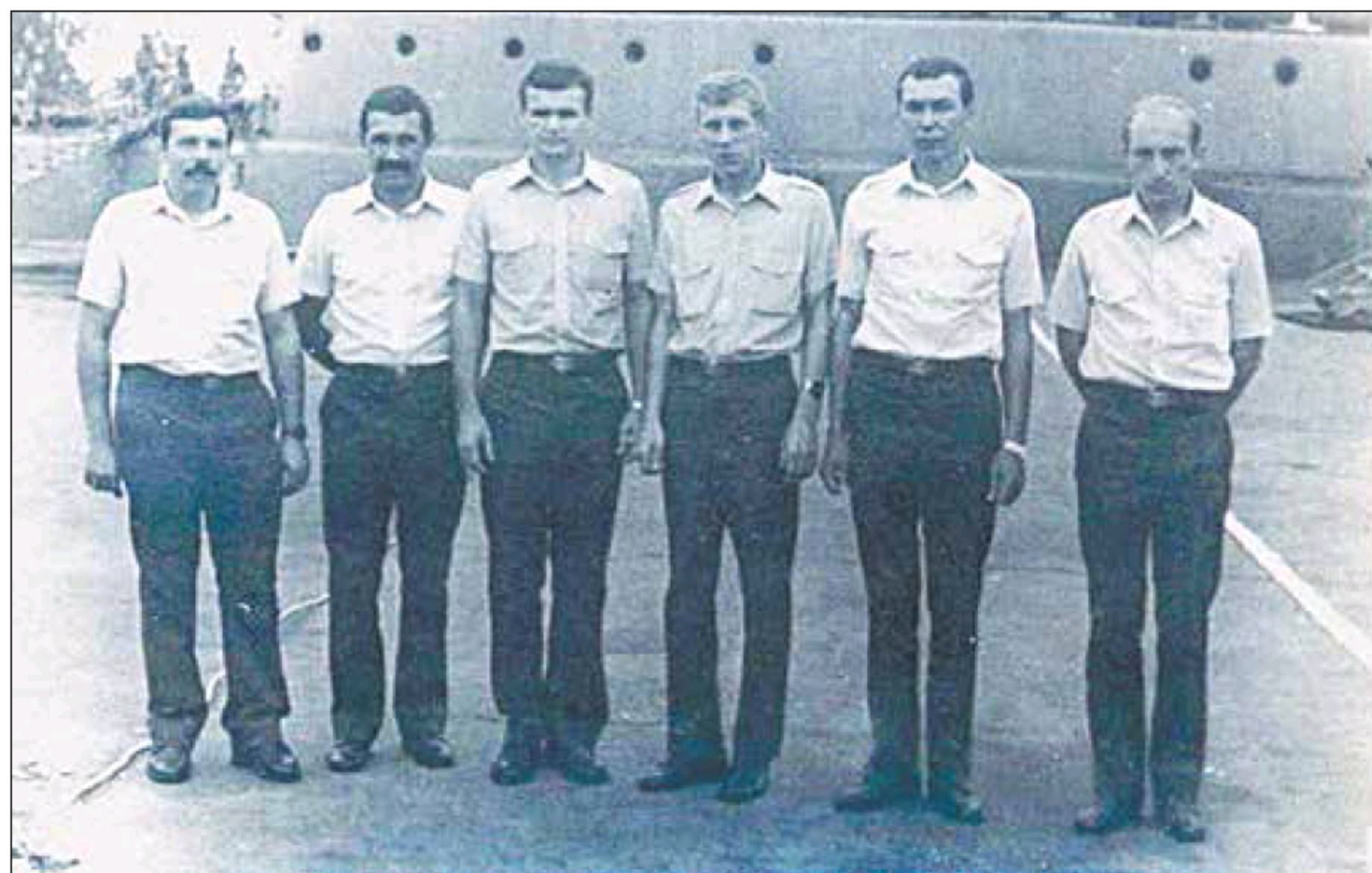
ГРАНАТЫ НЕ ТОЙ СИСТЕМЫ

В качестве одной из мер безопасности был организован осмотр водолазами подводной части корпуса судна и гребных винтов. Осмотр проводили кубинцы, которых привозили на судно за несколько часов до его убытия. Опускали внешний трап, и двое кубинцев в аквалангах с мощными фонарями спускались под воду. Для обеспечения безопасности водолазов о проведении подводных работ оповещали кубинское судно, если оно находилось в порту, и с него тоже бросали гранаты. Ангольский катер обеспечения вызывали по радио и давали команду прекратить бросать гранаты.

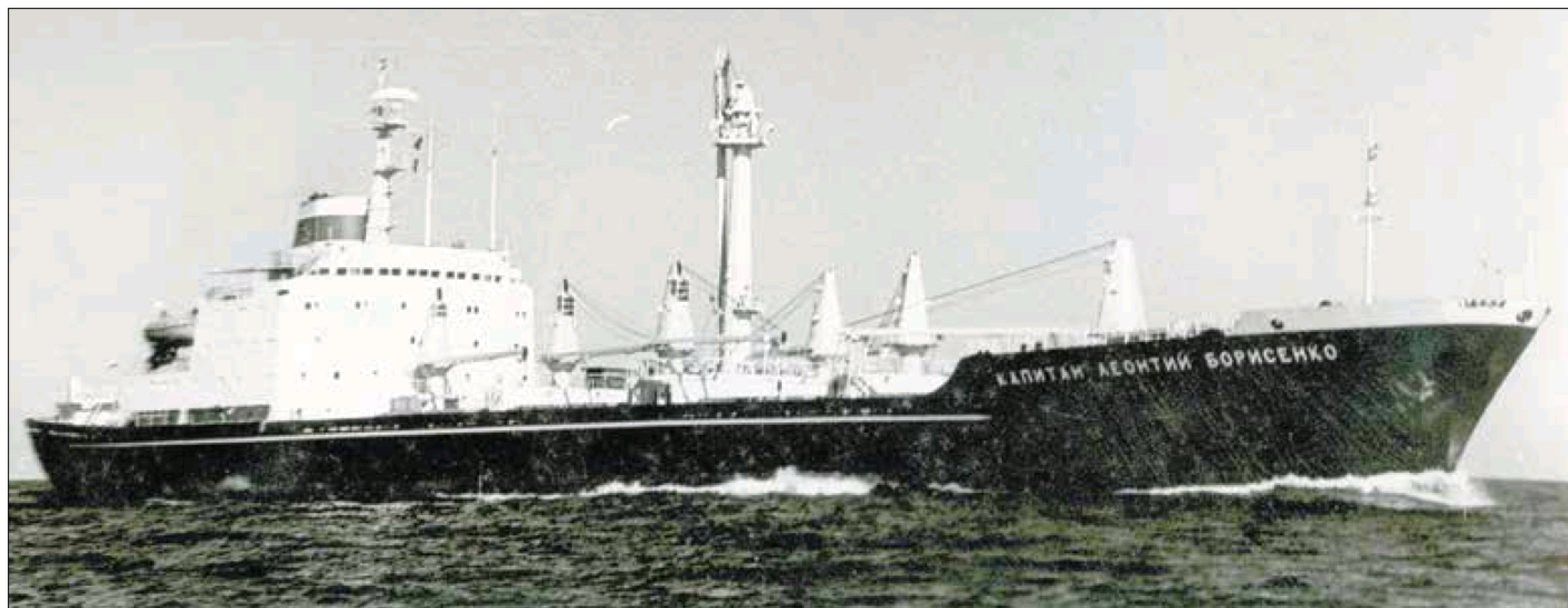
При осмотре днища судна один из членов группы ПДО находился на нижней площадке трапа и помогал спуску и подъёму водолазов. Однажды спустившиеся водолазы вернулись буквально через минуту, и я быстро помог им подняться на трап. Один из водолазов возбуждённо стал что-то пояснять, а второй, сняв акваланг, побежал к своим вещам на палубе. Вернулся быстро, неся два пистолета для подводной стрельбы. Первый водолаз к этому времени пояснил, что под корпусом судна стоит крупная акула. Вооружившись, аквалангисты снова ушли под воду. Осмотр прошёл без замечаний, акула не стала дожидаться. После этого эпизода водолазы погружались вооружённые не только ножами, но и пистолетами.

При выгрузке судов в Лобиту и Намибе кубинских водолазов брали с собой. Возвращаясь, суда в порт Луанды не заходили, а останавливались на внешнем рейде и доставляли противодиверсионную группу и водолазов на базу ВМФ на катере. В первые месяцы гранаты привозили в группу ВМФ к прибытию судна с учётом ожидаемого времени его выгрузки. Норма суточной выгрузки судна в порту была 200 тонн в сутки, поэтому время стоянки сухогруза длилось не менее недели (суда типа «ро-ро» выгружались от нескольких часов до одного-двух дней).

В 1987 — 1988-х годах интенсивность прибытия судов возросла, и перед окном дежурного обычно стоял штабель из 30 — 40 ящиков с гранатами. Частота прибытия советских судов соответствовала планируемым операциям ФАПЛА по установлению контроля над территорией страны. Только за девять месяцев 1988 года я участвовал в охране советских судов на протяжении более 100 суток. Исходя из средне-суточного расхода гранат — 30 штук на

СОВЕТСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ПО ПРОТИВОДИВЕРСИОННОЙ ОБОРОНЕ КОРАБЛЕЙ В АНГОЛЕ

ТЕПЛОХОД «КАПИТАН ЛЕОНТИЙ БОРИСЕНКО» БЫЛ ЗАДЕЙСТВОВАН В СЕКРЕТНОЙ ПРОГРАММЕ ПО ДОСТАВКЕ ВОЕННЫХ ГРУЗОВ В АНГОЛУ

СЛУЖЕБНЫЙ ПРОПУСК ВЛАДИМИРА ОВСЯННИКОВА

человека — за этот период израсходовал порядка 3 тысяч гранат.

Гранаты были в основном советского производства. Но временами привозили гранаты производства стран соцлагеря. Отличия были и в типе ящика, и упаковочный лист был на кириллице, но непонятен. Тем не менее основная особенность была в том, что такие гранаты имели нестабильное время задержки срабатывания взрывателя. Время задержки «гуляло». Гранаты советского производства имели исключительно стабильную задержку срабатывания взрывателя. Оценка нестабильности задержки в полсекунды не является надуманной проблемой. Когда счёт применённых гранат исчисляется в тысячах, такая нестабильность чувствуется сразу и настораживает. И если члены команды судна просили в качестве сувенира скобу взрывателя, то с советскими гранатами можно было отпустить скобу взрывателя в руке, чтобы она отлетела на палубу, и потом спокойно бросить гранату в воду. С гранатами братьев по соцлагерю такое было непозволительно.

Надёжность советских гранат позволила однажды отработать взрыв гранаты в воздухе. Задерживал бросок гранаты с отпущенной скобой взрывателя в руке. Получилось с третьей попытки. При очередном броске заставляя себя всё медленнее делать отсчёт после отлёта скобы взрывателя до броска. Конечно, это была РГД-5. На громкий взрыв приехала на джипе «сигуранция». Спросили, что случилось. Дежуривший у носовой аппарели гранатомётчик, которого я предупредил о своих манипуляциях, сообщил, что в воздухе взорвалась граната. Те приняли к сведению и уехали.

Кубинцы также осуществляли гранатометание с целью борьбы с подводными диверсантами. И если в порту наши суда стояли недалеко, то мы прикрывали фланги друг друга. Следует отметить, что гранаты, применяемые кубинцами, были не очень качественными. Было слышно, особенно ночью, что сработал капсюль взрывателя гранаты при броске, а взрыва нет. Несколько раз ко мне приходили кубинцы — старший группы охраны — и просили дать хороших гранат в НЗ. Всегда давал по ящику. Потом кубинцы перешли на толовые шашки. Приходил к ним на судно — посмотрел на процесс. Детонаторы, бикфордов шнур, спички, шашки. Обрезка шнура, зачистка, снаряжение, поджиг — бросок. Конвейер — некогда перекурить.

В Намибе на период стоянки своих судов кубинцы устанавливали над портом на оконечности мыса миномётную батарею и вели обстрел морской акватории на подходах к порту. РЛС находилась в приезде ремонтировать, и мне приходилось разговаривать с миномётным расчётом.

ОХОТА НА УТОК ПО-КУБИНСКИ

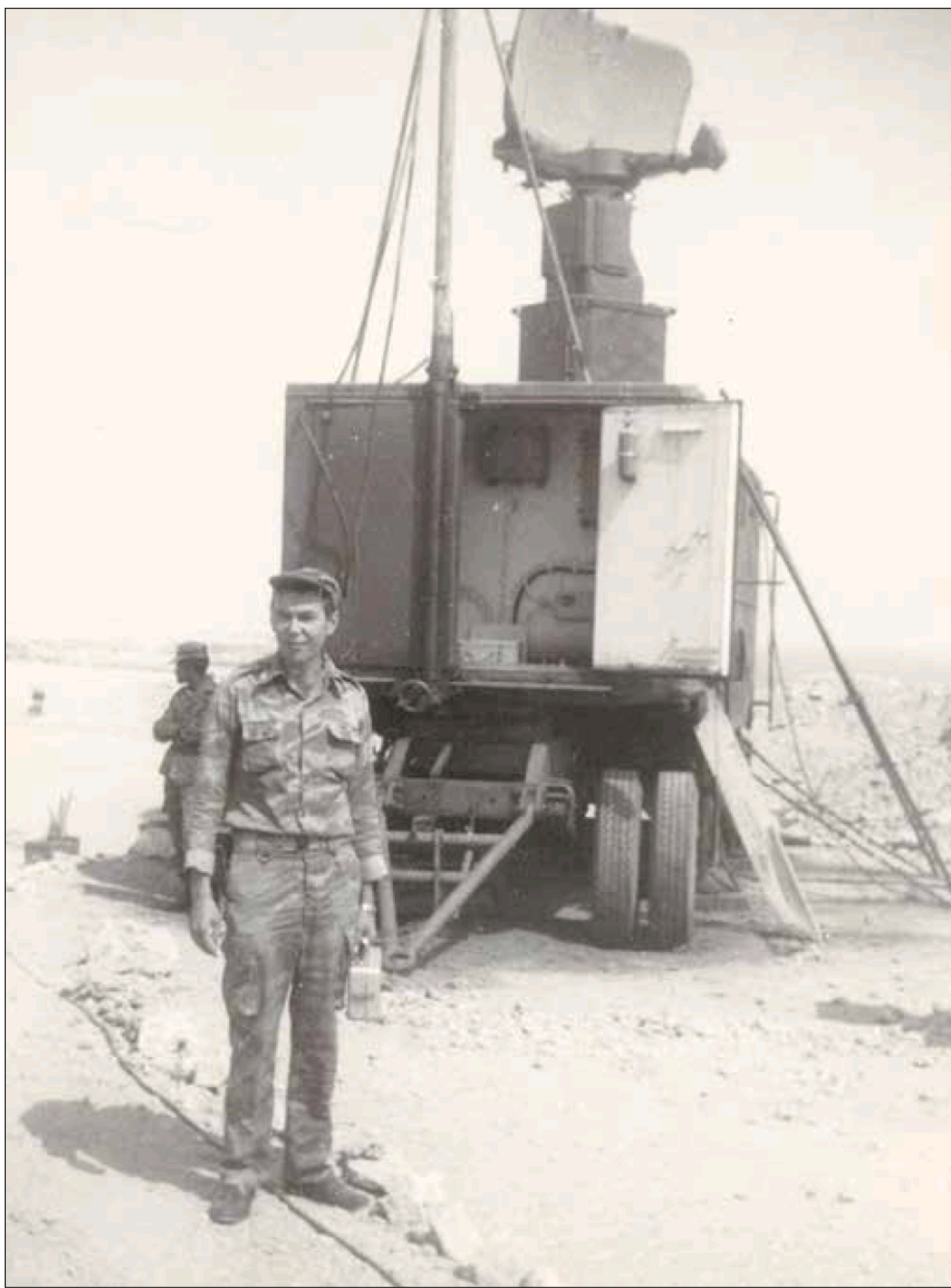
После моего возвращения в СССР в сентябре 1988 года толовые шашки появились и в нашей группе. Не могу сказать, на постоянной основе или это был эпизод, но кончился он плачевно. Как раз мой сменщик, мы, к сожалению, никогда не встретились, был дежурным по группе и решил с помощью толовой шашки глушить рыбу.

Прослужил в Анголе два месяца. Опыта взрывника нет. Как он передержал шашку с подожжённым бикфордовым шнуром, неизвестно. Взрывом оторвало кисть руки. Ребята с ним встречались позже в Союзе. Говорят, что болит кисть, которой нет. Фантомные боли. Жаль. А морская рыба не имеет воздушного пузыря и от взрывов просто тонет.

Однако кубинцы приспособились применять гранаты для охоты на водоплавающую дичь. При сезонном перелёте в акватории порта Луанды садились для отдыха и кормёжки крупные стаи уток. Кубинцы сначала пытались стрелять по ним из автоматов. Но попасть из автомата в утку на расстоянии 150 метров непросто. Только рикошет от воды с непредсказуемой траекторией. После неудачных стрельб кубинцы стали бросать одну за другой две гранаты. От первого взрыва стая дружно ныряла, второй взрыв шёл на поражение стаи гидравлическим ударом. На поверхности оставались несколько уток. А далее шлюпку на воду — и команда с хорошим обедом.

Казусы при охране судов имелись и у меня. Однажды при охране судна я поспал немного после обеда и пошёл на вахту с 16.00. Вышел на верхнюю палубу. Солнце слепит глаза. Уткнувшись взглядом в ноги и на ходу доставая из кармана гранату, направился к борту. Вытащил кольцо и замкнулся для броска. В последний момент в глаза бросился козловый кран, работающий на причале. Обалдев от неожиданности, стал соображать, что, пока я спал, судно перешвартовали другим бортом к причалу. Чертыхаясь, пошёл к другому борту и бросил гранату куда следует.

При ночной вахте наблюдатели из состава команды судна просили дать пострелять. Давал с условием, что чистить автомат будут они, и не разрешал стрелять очередями и далеко от борта, чтобы не было рикошета. Однажды ночью взялся пострелять молодой радист. После некоторого количества выстрелов по брошенной за борт дощечке радист появился с автоматом и с винюватым видом сообщил, что магазин отпал и утонул. Есть определение: «Надёжный как трехлинейка». Свой АКМС я обоснованно воспринимал также. Поэтому, изумлённый таким известием, только переспросил: «Как это — отпал?» Но, увидев лицо радиста, понял, что тот ожидает обвинения в утрате боеприпасов и боевого оружия со всеми вытекающими последствиями. Быстро его успокоил, сказав, что это ерунда, но будет ему стоить две пачки сигарет. На причале как раз расположился ангольский патруль, с которым я и собрался решить возникшую проблему. Спустившись к себе в каюту, взяв две пачки сигарет и запасной магазин к автомату, вернулся на палубу и, приказав радисту спустить трап, направился к патрулю. Обменявшись приветствиями и угостив солдат сигаретами, пояснил, что мне нужен магазин, показав его для убедительности. В качестве презента показал две пачки сигарет. Быстро посоветовавшись, патрульные сказали, что нет проблем, но магазин будет без патронов. Несколько пачек патронов у меня лежали в каюте, и это упрощало переговоры. Не успели мы перекурить, как вернулся гонец с магазином, и, удовлетворённые, мы расстались. Дав радисту зарядить пустой магазин, предложил ему продолжить стрельбу. Но он отказался. А я так и остался в недоумении: как мог «отпасть» магазин в процессе стрельбы?!

ВЛАДИМИР ОВСЯННИКОВ НА ФОНЕ РЛС. МЫС НАМИБ. 1987

Через несколько дней я понял, что произошло. Наблюдая за стрельбой очередного помощника, обратил внимание, что леерное ограждение палубы имеет такую высоту, что для стрельбы по брошенным недалеко за борт дощечкам стрелок вынужден автомат, включая магазин, за трубу верхнего леера. Стало понятно: при отдаче автомата магазинная защёлка упирается в ограждение и отжимается.

НЕОПОЗНАННЫЙ АРБУЗ

Как-то при несении вахты я был окликнут тревожным возгласом наблюдателя с носовой оконечности судна. Подбежав, увидел в глубине, в свете плафона внешней подсветки, медленно перемещающийся смутный силуэт. Достав из кармана, быстро бросил в воду две гранаты и приготовил автомат. Поднимающиеся потоки взбалтываемой взрывами воды вынесли на поверхность пятнистую военную куртку с развевающимися рукавами. До утра мы бросали гранаты более интенсивно, а днём

организовали осмотр подводной части судна. Всё оказалось в норме.

Сегодня, по воспоминаниям южноафриканских боевых пловцов, мы знаем, что они опасались тех мест, где мы применяли гранаты, и я думаю, что своими действиями мы спасли многие советские и ангольские суда от диверсий. Я бережно храню благодарственное письмо от капитана советского сухогруза «Леонтий Борисенко», где сказано, что «капитан и экипаж судна благодарят ст. лейтенанта Овсянникова В.П. за надёжное обеспечение безопасности судна в период стоянки в портах Анголы».

Днём тоже бывали тревоги. Тёмный, округлой формы, отблескивающий на солнце предмет, то подсплывая, то скрываясь в воде, медленно дрейфовал к судну. С расстояния около 100 метров открыл огонь одиночными. Пять-семь выстрелов никакого результата не дали. Предмет не взрывался, не тонул, а продолжал своё движение. На десятом выстреле, к всеобщему облегчению, плывущий арбуз развалился на куски.

Предположение, что охрана и их помощники на судах «отбывали номер», не соответствует реальности. Капитаны судов при приближении к территориальным водам Анголы официально объявляли команде, что, несмотря на требования руководящих документов о регулярном проведении тренировок по различным видам тревог, никаких учебных тревог в период работы в портах Анголы не будет. Команда понимала: если что, нужно будет выкладываться по максимуму. Тем более что уж она точно знала, что за груз находится в трюме, а детонация 2 — 3 тысяч тонн боеприпасов решала судьбу не только судна, но и значительной части порта».

Редакция благодарит Союз ветеранов Анголы www.veteranangola.ru за помощь в подготовке материала.

Фото из архива
Владимира Овсянникова

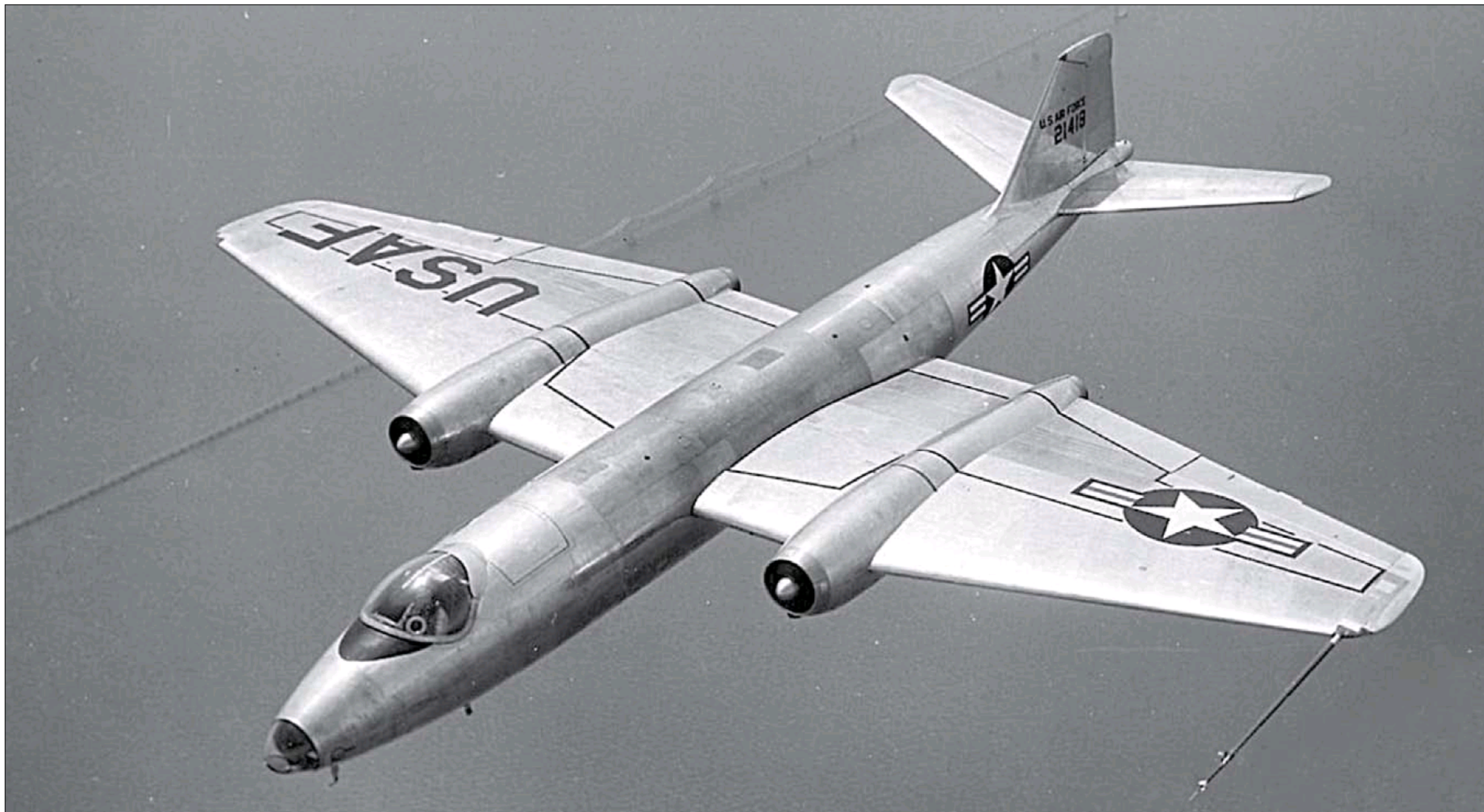

ВЛАДИМИР ОВСЯННИКОВ

Сбиты и забыты

Как советские лётчики-торпедоносцы погибли от дружественного огня. Холодная война играла на нервах и на честолюбии

АМЕРИКАНСКИЙ САМОЛЁТ В-57 «КАНБЕРРА»

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Пятничным вечером 3 декабря 1954 года на военном аэродроме Варфоломеевка (Приморский край) царил радостное оживление: вернулась поднятая по тревоге дежурная пара истребителей МиГ-15бис 535-го истребительного авиаполка (ИАП) 32-й истребительной авиационной Краснознамённой дивизии, и её ведущий, капитан Пётр Бывшев, доложил об успешном перехвате американского военного самолёта. Нарушитель советского воздушного пространства, двухмоторный самолёт, был поражён с первого же захода первыми же пушечными очередями, вспыхнул и развалился на куски. Капитана радостно поздравляют с воздушной победой: молодец, уже можешь крутить дырку для ордена, рапорт уже ушёл на самый верх по инстанции, остальное лишь соблюсти мелкие формальности и проявить плёнку фотокинопулемёта...

Во всяком случае, именно так и было в те годы, когда в советском воздушном пространстве (или близ него) сбивали очередной американский самолёт. Что случалось не столь уж и редко: например, только на Дальнем Востоке с 1950 по 1954 год было сбито не менее семи американских разведывательных или патрульных самолётов. С конца 1940-х годов самолёты американских ВВС буквально достали советских «оппонентов» частыми нарушениями границ, случайными и намеренными, нервными пролётами возле границ на границе флота. Это не считая многочисленных разведывательных рейдов вглубь территории

СССР на большой высоте — их пытались пресечь, но так и не смогли — пока не сбивали Пауэрса. Так что указание свыше пилотам советской истребительной авиации было одно: сбивать и только сбивать! Ни о каком принуждении нарушителя к посадке даже и речи не шло, потому никогда не было ни предупредительных выстрелов, ни даже попыток вступить в радиопереговоры с нарушителем. Впрочем, какой уж там радиоконтакт, если советские пилоты тогда поголовно и английского-то не знали? Так что без затей сбивали — когда получалось, рапортуя по инстанции: «Как вы и приказывали — успешно сбиваем!»

Вот и совсем незадолго до того, 7 ноября 1954 года, советские истребители сбивали над Японским морем американский самолёт-разведчик RB-29, совершавший полёт вдоль советской границы. В американской прессе тогда развернулась целая кампания по поводу расстрела русскими «ни в чём неповинного самолёта». Советские газеты, разумеется, глухо молчали, но в дальневосточных авиагарнизонах случай тот обсуждали широко — под соусом установки «так и должен действовать настоящий советский лётчик-истребитель!». Все лётчики прекрасно знали, что за сбитый американский самолёт полагался орден Красного Знамени. Не говоря уже о таком редком «бонусе», как возможность вырваться из глухого гарнизона: счастливец могли направить на обучение в Военно-воздушную академию. Но, когда плёнку проявили, восторги резко стихли, а там пришло и сообщение от «соседей» — авиаторов Тихоокеанского флота, и от капитана Бывшева стали шарахаться, словно от чумного или прокажённого...

Как оказалось, именно в тот день самолёты-торпедоносцы Ту-14Т 49-го минно-торпедного авиационного полка (МТАП) ВВС

Тихоокеанского флота, базировавшиеся на аэродроме Кневичи (38 км северо-восточнее Владивостока), выполняли вылет на учебное бомбометание (или торпедометание) на морской полигон в заливе Петра Великого. И после возвращения торпедоносцев на родной аэродром одного не досчитались: пропал Ту-14Т № 2901403. Экипаж: лётчик — лейтенант Валерий Мужжавлёв, штурман — лейтенант Юрий Макричук и воздушный стрелок — матрос Евгений Васильев, всем по 22 года. При возвращении с полигона торпедоносец словно испарился. Сопоставив фрагменты информации, в штабах сразу поняли: никаких американских нарушителей на сей раз не было и в помине, дежурная пара истребителей 535-го ИАП в упор расстреляла свой же самолёт.

ПОХОРОНЫ ДЛЯ РАПОРТА

Дальше был «разбор полётов»: традиционное лихорадочное сочинение всевозможных объяснительных рапортов-отписок — исключительно для прикрытия начальных ляпов и нестыковок, тем паче авиаторы пострадавшие и напортачившие проходили по ведомствам совершенно разным. Торпедоносцы — это морская авиация: 49-й МТАП подчинялся командующему ВВС ТОФ (на тот момент генерал-лейтенант авиации Виктор Канарёв), который, в свою очередь, непосредственно подчинялся командующему ВВС Военно-морского флота СССР (генерал-полковник авиации Евгений Преображенский), а оперативно — командующему ТОФ (адмирал Юрий Пантелеев). А вот 32-я истребительная авиационная дивизия (и её 535-й ИАП) — это уже 54-я воздушная армия фронтовой авиации, непосредственно подчинённая главному ВВС (маршал авиации Павел Жигарев), а

оперативно — командующему войсками Дальневосточного военного округа (Маршал Советского Союза Родион Малиновский). При такой системе просто нереально было сговориться до мельчайших деталей для выработки единой версии. Да ведь и отчитываться всем предстояло за совершенно разное: морским авиаторам — за потерю троих человек и, что существеннее, материальной части. А авиаторам-сухопутчикам позарез надо было свалить вину за уничтожение своего самолёта на тех, кто ...этот самолёт и пилотировал! В штабах люди сидели опытные, к списанию людей и техники привычные, так что выкрутились, благо на мёртвых теперь можно было валить что угодно — проверить-то всё равно невозможно.

Посему самолёт Ту-14Т объявили погибшим при... катастрофе: торпедоносец, мол, пропал над морем, его искали, но так и не нашли. Вот только в реальности экипаж Валерия Мужжавлёва никто никогда не только не искал, но даже и не пытался: пропал — ну и пропал, дело с концами. Мои друзья, жившие в дальневосточных гарнизонах, поведали, что даже в конце 1960-х годов никто не искал самолёт, если он пропал над морем, да если и над сопками — тоже не искали.

Так было и тут: экипаж объявили погибшим, исключив из списков части, а лётчика и штурмана — ещё и из списков офицерского состава: по одним документам они проходили как погибшие при исполнении служебных обязанностей, по другим — как погибшие уже при катастрофе. Разночтения никого не смущали, да и кто вообще мог видеть документы, проходившие под грифом «секретно»? Что «пропали над морем» и их «искали» — ложь, стало известно, лишь когда летом 2008 года поисковики владивостокского отряда «Авиапоиск» нашли остров

этого Ту-14Т. Он лежал на склонах горы Лысый Дед, что в Шкотовском районе Приморского края. Нашли и фрагменты тел, и что-то из личных вещей. Установили номер самолёта и после длительной переписки с Центральным военно-морским архивом (ЦВМА) сумели получить предельно полную справку о погибших.

Из справки следовало, что командование морской авиации просто списало экипаж торпедоносца и сам самолёт, словно расходный материал. Как гласил приказ за № 015 от 27 января 1955 года под грифом «секретно» командующего ВВС ТОФ генерал-лейтенанта Виктора Канарёва, самолёт Ту-14Т № 2901403 «списан с учёта как непригодный к дальнейшей эксплуатации в результате катастрофы». Приказом же командира 49-го МТАП № 0510 от 7 декабря 1954 года лейтенанты Мужжавлёв и Макричук, а также воздушный стрелок-радист матрос Василий уже исключены из списков части как погибшие при исполнении служебных обязанностей.

А ведь с 3 декабря прошло-то всего четыре дня, да и никаких тел никто в глаза не видел! 25 декабря 1954 года секретным приказом командующего ТОФ адмирала Юрия Пантелеева за № 0784 лейтенанты Мужжавлёв и Макричук исключены из списков офицерского состава ввиду смерти. При этом в полученной поисковиками «Авиапоиска» справке со ссылкой на этот приказ говорилось, что офицеры погибли при катастрофе самолёта 3 декабря 1954 года и ...похоронены 7 декабря на кладбище села Кневичи Шкотовского района Приморского края! Но какие могли быть похороны, если самолёт «пропал над морем», а тел не нашли? Тем не менее существуют, оказывается, снимки похорон: на них три закрытых гроба с приколотенными, как и полагается, к их крышкам двумя офицерскими фуражками и матросской бескозыркой, фотографии в траурных рамках, венки с лентами; офицеры с траурными повязками, часовые с карабинами; три могильные пирамидки... Кого же тогда похоронили?!

Поисковикам из отряда «Авиапоиск» тогда удалось найти нескольких ветеранов 49-го МТАП, которые подтвердили, что экипаж никто не искал и все разговоры об этом случае быстро пресекли. Более того, ветераны были изумлены, узнав от поисковиков, что экипаж пропавшего Ту-14Т якобы даже захоронили на кладбище в селе Кневичи. Да и никакой могилы поисковики на кладбище не нашли. Может, затерялась, ведь больше полувека прошло, а никто за ней не ухаживал. Но, подняв документы сельсовета, книги учёта захоронений, поисковики также ничего не нашли. И в то же время вот они, фотографии: постановочный спектакль, чтобы заснять его на плёнку и затем отослать снимки для отчёта в вышестоящие штабы? Как пояснил мой друг, в 1960-е годы живший с родителями в одном из авиационных гарнизонов Приморья, такие похороны были обычным делом: «Даже если самолёт пропал или хоронить нечего, похороны всё равно обязательны. Только в гробы тогда кладут шинели, а может, и ботинки — не со склада, личные вещи погибших. Может, и здесь так было?»

Судя же по справке, которую поисковики получили из военно-морского архива, все сведения им выдали по принципу «на — и отвяжись», дотянувшись лишь до карточки учёта безвозвратных потерь офицерского состава. Не удосужившись заглянуть в личные дела, отписали: все, мол, холосты, сведений о родителях нет... Хотя лейтенант Валерий Мужжавлёв на тот момент был женат, и уже после его смерти у него родилась дочка...

СПУТАЛ С «КАНБЕРРОЙ»...

Авиаторам «сухопутным» было сложнее: отпартовали об успешном уничтожении американского самолёта, но пришлось объясняться за свой. Но ничего, тоже выкрутились, выдав на гора кучу объяснительных. Положенные рапорта написали (а попутно дали показания osobistam) и сами виновики «торжества», капитан Пётр Бывшев и его ведомый (имя которого, к слову, ни в

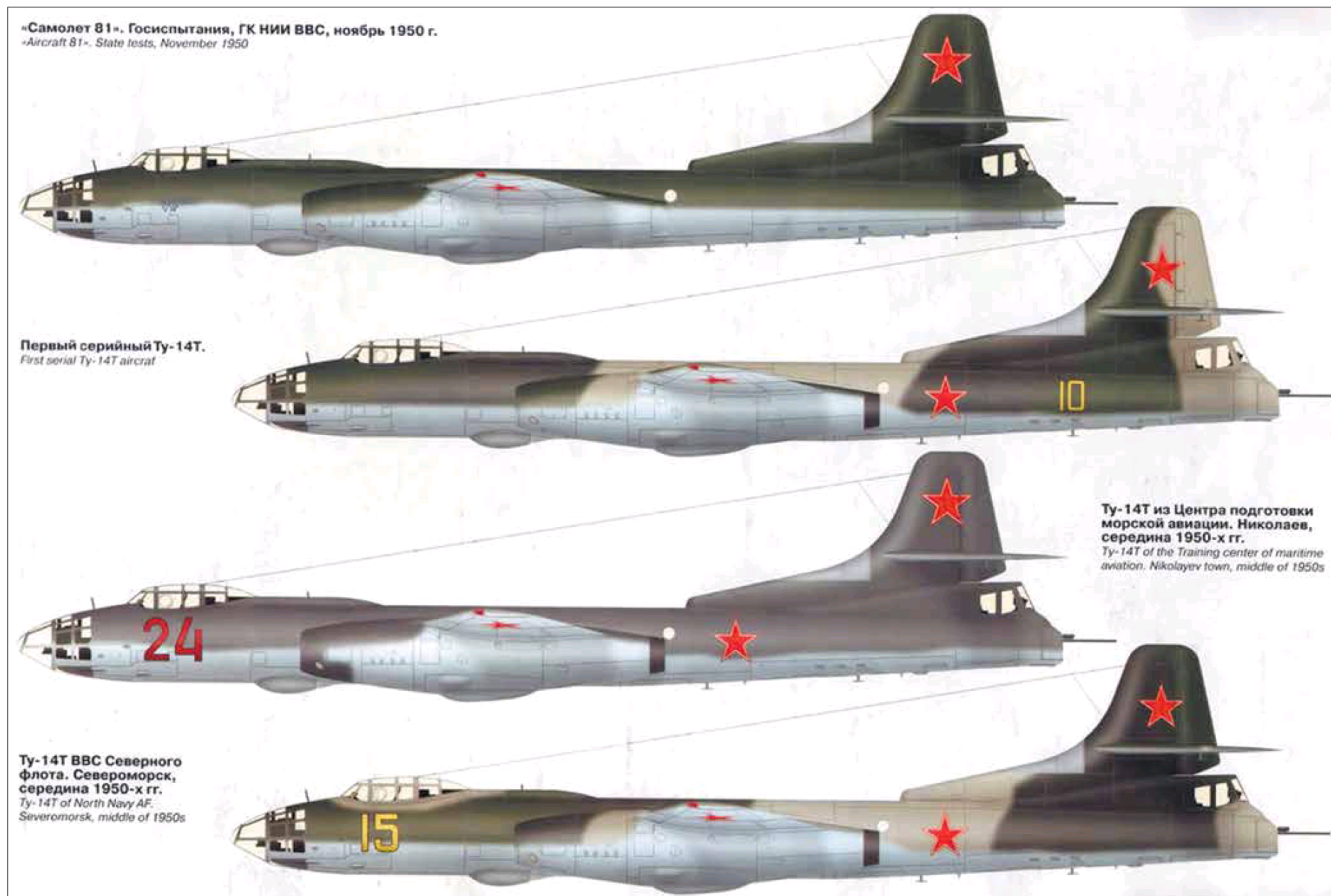
одном из доступных материалов не значится). Но, разумеется, лётчики просто под диктовку писали то, что им отцы-командиры сказали, а вовсе не то, что было в реальности. Отсюда множество ляпов, нестыковок и целая уйма версий, противоречащих друг другу.

Например, согласно одной, лётчики истребители увидели одиночный самолёт, идущий над сопками в сторону моря (хотя на деле Ту-14 как раз возвращался на свой аэродром!), по другой — сбили над морем. Ещё одна версия гласит, что истребители сбили подозрительный самолёт, пристроившийся к группе советских торпедоносцев, возвращавшихся с учений! Ещё по одной из версий, капитан Бывшев, якобы будучи... подслеповатым (подслеповатый истребитель — это нечто!), не разглядел наших опознавательных знаков. По другой — просто спутал советские красные звёзды с...американскими, решив, что перед ним американский бомбардировщик «Канберра», под покровом ночи пристроившийся к советским самолётам. А с «Канберрой» спутал, так как не знал силуэта «засекреченного» Ту-14Т, а другие самолёты — наши (те же Ту-14Т) — выходит, разглядел?! А ещё торпедоносец, засечённый радаром ПВО, якобы не реагировал на неоднократные запросы: у него, мол, отказала система опознавания. И на радиозапросы тоже не отвечал — радиосвязь отказала... Всё одновременно отказало: и радиосвязь — радиостанции РСБ-5 и РСИУ-3 — сразу обе, и станция радиолокационного опознавания (опросчик) «Магний-М», и запросчик-ответчик «Барий-М»...

Всё столь неправдоподобно, что очевидно: пресловутую «Канберру» подобрали в дикой спешке, лихорадочно пролистывая альбомы с силуэтами американских и британских самолётов. Что уж в тех сумерках (если это действительно были сумерки!) видел пилот истребителя, уже не узнать, но очевидно, что решение об уничтожении он принимал не самостоятельно: либо такой приказ был получен непосредственно при вылете и, обнаружив указанную цель, пилот

просто нажал гашетку, не разбираясь, кто перед ним, либо приказ он получил уже после обнаружения объекта. Ни с какой «Канберрой» Ту-14Т спутать просто нельзя, как невозможно было спутать и американские опознавательные знаки с советскими. Специально просмотрел огромную массу снимков советских и американских самолётов того времени: маркировки кардинально отличаются! У советских — бомбардировщиков (или торпедоносцев) Ил-28 и Ту-14 — огромный номер на носу и красные звёзды — на киле и кормовой части фюзеляжа. Американские боевые самолёты того времени имели огромную надпись U. S. AIR FORCE в носовой части, номер с латинскими буквами на киле и собственно знак: белая звезда в тёмно-синем круге, а к кругу добавлены боковые сине-белые «крылья» (горизонтальные полосы), в центр которых в 1947 году добавлены красные полосы — в таком виде он существует и поныне. Так что спутать американские звёзды с советскими лётчик истребительной авиации, да ещё из дивизии, всего лишь год назад воевавшей с американцами в Корее, явно не мог. И опять же — увидел «американскую» звезду на фюзеляже, но не разглядел огромную «родную» звезду на киле — там, где у американцев такого знака сроду не было? Охотнее поверю в то, что пилот истребителя никаких знаков вообще не видел, потому что и не высматривал их, а просто взял силуэт в прицел и нажал гашетку...

Относительно же пресловутой В-57 «Канберры» (это вариант британского бомбардировщика English Electric Canberra), то первые американские машины этого типа поступили в ВВС США лишь в 1954 году — на авиабазу Шоу в штате Южная Каролина: ни на каком Дальнем Востоке их тогда и близко не было. Были, конечно, ещё прародители этой «Канберры», британские, пошедшие в серию в 1950 году, только на Дальнем Востоке их тоже не было. К тому же у Ту-14 весьма кардинальное внешнее отличие от всех «Канберр» любой модификации: совершенно отчётливо видимая кормовая пушечная установка КДУ-81 со сдво-

ТУ-14. РАЗЛИЧНЫЕ ВАРИАЦИИ ОКРАСКИ И МАРКИРОВКИ

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ПОХОРОНЫ ЭКИПАЖА СБИТОГО ТУ-14Т: В ГРОБАХ ТЕЛ НЕТ

енными 23-мм пушками. Ни «Канберра», ни какой иной бомбардировщик или разведывательный самолёт из числа состоявших тогда на вооружении ВВС США кормовых пушечных (или пулемётных) установок не имели. Да и вообще, даже внешне сложно спутать элегантную «Канберру» с довольно уродливым Ту-14.

Положим, на Тихоокеанский флот тогда поступило всего лишь 14 таких машин, поверим утверждениям, что они ещё считались секретными и потому пилоты фронтовой авиации и авиации ПВО якобы не были своевременно и официально ознакомлены с её силуэтами. Но к их освоению на Тихоокеанском флоте приступили ещё в марте 1952 года, и летали они весьма интенсивно, так что более чем за 2,5 года их полётов совсем уж не видеть их истребители явно не могли. Но даже если пилот и не знал силуэта Ту-14, факт, что он не сделал и попытки идентификации или принуждения к посадке, не пытался и связаться по радиации с Ту-14. Доложив на КП, что перед ним самолёт «незнакомой» конструкции и «без опознавательных знаков», получил приказ открыть огонь и сбил «Туполева».

Почему на КП решили не заморачиваться идентификацией, понять можно: Москва жёстко требовала сбивать нарушителей, но они всё никак не сбивались, а отличиться командование полка (и авиадивизии) очень хотело. Эта 32-я истребительная авиадивизия была не совсем обычной: с июля (по другим данным, с августа) 1952 года до 27 июля 1953 года она воевала в Корее против

американцев, потеряв при этом 64 истребителя — свыше половины штатного состава, да ещё и 17 лётчиков погибшими. Собственно 535-й авиаполк этой дивизии потерял пять пилотов погибшими и не менее 18 самолётов — тоже почти половину своей техники. Так что лётчики там летали молодые, ретивые и злые, жаждущие отличиться, тем паче у большинства из них на боевом счёту не числилось ни одного сбитого самолёта. Да и состав полка обновился: пришли новые пилоты, не воевавшие, но тоже жаждущие отличиться. Какое уж там опознание — жми гашетку и крути дырку для ордена! А ещё это были фронтовые истребители, а не истребители ПВО — тех хотя бы учили отличать и различать самолёты, прежде чем стрелять, учили и ночным действиям. А вот у истребителей 535-го ИАП опыта ночных боёв и перехватов, можно сказать, не было: в Корее они воевали в светлое время суток. Не будем сбрасывать со счетов и желание командования ВВС утереть нос своим конкурентам — истребителям войск ПВО: соперничество между ними было крайне острым и командование ВВС всячески пыталось доказать,

что истребители фронтовой авиации могут заниматься перехватом не хуже пэвэошников, а то и лучше. Тем паче войска ПВО тогда возглавил Маршал Советского Союза Леонид Говоров — «сапог», как в военной авиации традиционно величают выходцев из Сухопутных войск. Да и вообще в ПВО тогда шла настоящая чехарда: с лета 1952-го по лето 1954 года сменилось четыре командующих Войск ПВО СССР — самое время показать этим пэвэошникам, кто в небе хозяин...

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ КАПИТАНА БЫВШЕВА

Разумеется, вскоре после трагедии с Ту-14Т последовали и оргвыводы. Капитана Бышева решили не наказывать — иначе пришлось бы сажать и его командиров. Потому виноватых не оказалось: истребитель сбил незнакомый самолёт, не отвечавший на запросы, а не отвечал тот потому, что у него, мол, сломалась аппаратура... Во избежание повторения инцидентов решили организовать специальный показ Ту-14Т

— в полёте над аэродромами истребительной авиации. Ещё в директивном порядке приказали смыть красные пятиконечные звезды с фюзеляжей. Но, судя по куче фотографий 1960-х годов, звезда и тогда продолжала красоваться у многих самолётов не только на киле, но и на фюзеляже, так что связь между исчезновением звезды с фюзеляжа и сбитым Ту-14Т сомнительна. И вот ещё — если звёзды смыли, то к ответчику системы «свой-чужой» никаких претензий не было: выходит, версия о его неисправности фальшива от начала и до конца? Собственно Ту-14Т надолго в авиации не задержался: к 1957 году все уцелевшие машины списали. Что уже само по себе показатель: действительно хорошие самолёты так стремительно на свалку не отправляют.

Капитан Пётр Бышев ушёл из жизни вскоре после той трагедии: по официальной версии, погиб, не справившись с пилотированием истребителя в сложных метеоусловиях. «Не справился? Ерунда, — бросил знакомый лётчик, всю жизнь проведший в дальних гарнизонах, в том числе и дальневосточных, — он сам и вынес себе приговор, терзая себя за смерть своих товарищей по небу...» Надо знать жизнь и быт небольших авиационных городков в полной глуши — это очень суровый мир, безудержно почитающий героев и жестоко втаптывающий в грязь оступившихся. Там же все друг друга знают, всем ведомо, что ты сбил (а вслух говорят — убил!) своих же, пояснял мне друг, за твоей спиной шепчутся, в аэродромной столовке с тобой за один стол уже не садятся, в гости к тебе не ходят и к себе не приглашают, на охоту и рыбалку больше не зовут, ни о какой совместной пирушке с сослуживцами и речи больше нет, как больше нет и товарищей, на карьере — полный крест. И никуда тебе от этого не деться — ни на улице, ни на взлётке, ни в клубе или бараке, где выделен угол твоей семье, в спину жене бросают гадости, а дети — так их точно в школе затравят. Не поможет и перевод в другой гарнизон: мир авиации тесен, неофициальный телеграф всё донесёт и до новых сослуживцев. А взять и уйти из авиации, армии, подав рапорт, — так эти времена ещё не настали, служи столько, сколько прикажут. Да и куда деваться на гражданке — без выслуженной пенсии, без жилья, без пригодной в мирной жизни специальности? Остаётся одно: взлететь и не долететь, уж пенсию по потере кормильца семье-то назначат...

Фото из архива автора

“ Капитан Пётр Бышев ушёл из жизни вскоре после той трагедии: по официальной версии, погиб, не справившись с пилотированием истребителя в сложных метеоусловиях.

НЕНУЖНЫЙ САМОЛЁТ

Впрочем, не менее детективна и история создания собственно Ту-14, так и не прижившегося в авиации. Разрабатывался самолёт совершенно не как торпедоносец, и вовсе не для морской авиации. Задача была — сделать скоростной реактивный фронтовой бомбардировщик. На финишную прямую вышли Туполев — со своим Ту-14 и Сергей Ильюшин — с Ил-28, который и оказался безусловным победителем.

Как вспоминал генерал-майор, Герой Советского Союза Пётр Стефановский, испытывавший Ту-14 в НИИ ВВС, поднять в воздух этот самолёт было очень тяжело: «Машина не хочет взлетать, несётся и несётся по полосе. Прежде чем подняться на крыло, отмахала по земле неслыханно большое расстояние». Но «ещё труднее было во время посадки. Самолёт с огромной скоростью проносится мимо мелькающих фонарей «летучая мышь», обозначающих границы взлётно-посадочной полосы. А ты с натянутыми до предела нервами ждёшь, когда «разуется» самолёт... После деформации колёс самолёт, высекая снопы искр, скрежетал голами дисками по бетонке и по дорожке ушёл с полосы. Удержать его было весьма нелегко». Как дипломатично написал Стефановский, «как бы там ни было, Ту-14 и Ту-14 Р прошли испытания. Но ни тот ни другой мы не смогли рекомендовать Военно-воздушным силам». Бомбардировщик Ил-28 оказался намного лучше: «Он обладал лучшими взлётно-посадочными свойствами, был проще в эксплуатации».

На специальном совещании 17 мая 1949 года во главе со Сталиным приняли решение — на вооружение принимается Ил-28. Но потом Туполев и министр авиапрома Хруничев, который был заинтересован в том, чтобы с него не спросили за провалившийся затратный проект, сумели эту историю переиграть. В августе того же 1949 года Сталин подписал постановление Совмина о подготовке серийного производства Ту-14 и отмене решения о запуске Ил-28 в производство.

Всё дальнейшее делалось в лихорадке. Кое-как сваяли машину для заводских испытаний, которые по бумагам оказались удовлетворительны. Но затем начались государственные испытания и всё посыпалось, выявилось такое количество дефектов, что всем было очевидно: принимать это изделие на вооружение нельзя. В заключении говорилось, что по вооружению, объёму оборудования и дальности Ту-14 как бы соответствует требованиям ВВС, но проигрывает Ил-28: по скорости — на 57 км/час, по практиче-

скому потолку — на 1300 м, имеет худшие взлётно-посадочные характеристики, да и по скороподъёмности проигрывает — в два раза. В переводе на нормальный язык: конкурс всё равно с треском проиграл. ВВС от Ту-14 категорически отказались: «Ввиду большой взлётной дистанции и большой длины разбега, а также недостаточной скороподъёмности самолёт Ту-14 для использования в качестве фронтового бомбардировщика в Военно-воздушных силах Советской армии не может быть рекомендован».

Но вывернулись: в заключение удалось внести пункт о том, что после устранения выявленных дефектов Ту-14 рекомендован в серийное производство «для вооружения авиации Военно-морских сил с использованием на аэродромах, с взлётно-посадочной полосой длиной более 2500 м». Правда, таких полос у морских авиаторов было тогда на всю страну ровным счётом три! Но лишь в августе 1951 года Военно-морской министр СССР Николай Кузнецов и командующий авиацией ВМФ СССР Евгений Преображенский подписали заключение с рекомендацией принять на вооружение Ту-14. При этом было совершенно очевидно, что классические торпеды (и торпедоносцы) свой век уже отжили и выполнить свою задачу никогда не смогут, поскольку легко будут сбиты средствами корабельной ПВО.

Как пишет историк авиации Анатолий Артемьев, когда первые Ту-14 пошли в войска, сразу начались и проблемы. Выяснилось, что у Ту-14 «подслеповатый фонарь» со слишком широкими переплётками, тогда как меньшая по размерам кабина Ил-28 обеспечивала прекрасный обзор. Штурманы жаловались, что приборы и различные выключатели просто впихнуты в их кабину без какой-либо системы, а будущий маршал авиации Иван Борзов отозвался о Ту-14 кратко, но ёмко: «Эстетика! Дизайн на уровне деревенской кузницы!»

Боевой лётчик Тимофей Пунёв в своих воспоминаниях тоже отзывался об этой машине крайне не лестно: «Ту-14 — очень уродливый самолёт. Несуразный. Ничего в нём не стыковалось. ...Летал Ту-14 точно так же, как и выглядел, — отвратительно. У меня (да и у остальных лётчиков нашего полка) всегда было впечатление, что Ту-14 для разбега не хватает полосы... Разбегался долго и тяжело, двигатели режут, и бежит, и бежит... Мы, когда этот взлёт впервые увидели, подумали: «Ну... сейчас в море будет». А уж как этот Ту-14 морские лётчики материли! О-го-го!»

Налёт на асфальтовый завод

Как советские войска по ошибке вторглись в Иран

Владимир ВОРОНОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

5 апреля 1982 года подразделения воюющей в Афганистане Советской 40-й армии вторглись в Иран. Считается, что это произошло случайно и неумышленно, из-за нелепой навигационной ошибки. Согласно данным разведки, в некоем заброшенном населённом пункте Рабати-Джали, что на стыке границ Афганистана, Ирана и Пакистана, находилась крупная база моджахедов и большая партия наркотиков — чуть не 10 тонн то ли опиума-сырца, то ли даже героина. По оперативным данным, на базе также был склад переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) «Стрела-2» египетского производства.

В середине марта 1982 года в Москве приняли решение об уничтожении этой базы, и командование 40-й армии приступило к подготовке операции под кодовым названием «Юг». Дабы не допустить любой утечки информации, операцию готовили в полной тайне от афганских союзников. Решено было выбросить вертолётный десант, которому должен был предшествовать удар эскадрильи истребителей-бомбардировщиков Су-17 в составе 12 самолётов с авиабазы в Кандагаре. Эти же Су-17 должны были обозначить место высадки святищавшихся авиабомбами (САБ). Воздушное прикрытие посменно осуществляли восемь истребителей МиГ-23МЛ — их решили задействовать с советских, а не афганских аэродромов — для сохранения секретности. Силы для проведения операции выделили огромные: 61 вертолёт семейства Ми-8, в том числе 2 воздушных командных пункта Ми-9; 18 вертолётов Ми-6, из которых 12 — топливозаправщики, 2 — для десантных снаряжения, 1 использовался для развёртывания полевого госпиталя, 3 — для доставки аппаратуры связи и авиаремонтных бригад. Всего 79 вертолётов. Для обеспечения дозаправки в 47 км от объекта атаки создали площадку, на которую топливозаправщики Ми-6 заранее доставили запасы керосина в специальных ёмкостях. Звёзды и бортовые номера приказано было закрасить. Этой вертолётной армаде ассистировали 38 самолётов. Непосредственное командование операцией осуществлял заместитель командующего ВВС 40-й армии полковник Владимир Апрелькин, а все действия группировки с борта Ан-30 координировал генерал-майор авиации Анатолий Табунщиков. Сам он утверждал, что вертолётов задействовали много больше — 110 и из Кандагара работала не эскадрилья, а целый полк истре-

ИРАНСКИЕ «ФАНТОМЫ» АТАКУЮТ СОВЕТСКИЕ ВЕРТОЛЁТЫ

бителей-бомбардировщиков, истребительное прикрытие осуществлял тоже полк МиГ-23... Собственно же высадиться должны были два батальона, из тяжёлого вооружения — 120-миллиметровые миномёты.

Спланировали всё красиво, а вышло, как всегда. По одной из версий, Су-17 промахнулись и сбросили САБы, которые должны были служить ориентирами, на 400 м дальше цели, затем их ветром отнесло ещё и в глубь иранской территории. Штурман экипажа Ми-9, служившего командным пунктом полковника Апрелькина, хотя и не сразу, но понял, что группа пересекла границу и они уже в Иране, тем не менее полковник приказал операцию продолжить. Хотя уже и другие вертолётчики стали понимать, что здесь что-то не так: неожиданно обнаружилась хорошая асфальтовая дорога, которой не было на карте и по которой спокойно катил явно мирный автобус с пассажирами. Ясно была видна линия деревянных телеграфных столбов, хотя в Афганистане таких столбов быть просто не могло — древесина в

том районе ценилась чуть ли не на вес золота. Но сомнения отменились, когда обнаружили строение, по описанию похожее на пресловутую базу, да ещё и с вышкой охраны. При этом никого почему-то не удивило отсутствие хоть каких-то следов запланированного авиаудара. В 07.03 приступили к высадке десантников, которые, как и было предусмотрено, блокировали объект и подвергли его миномётному обстрелу, потом выдвинулась ударная группа, которая стала крушить всё подряд.

Как вспоминал генерал Табунщиков, «запрашиваю «Алмаз», это позывной полковника — не отвечает. Связи нет. Рядом с тем местом, где они сели — Захедан, а наша цель во-о-он где... Они уже к этому времени иранца какого-то в плен взяли. Я смотрю: населённый пункт, и там разрывы снарядов...» — это вела огонь миномётная батарея десантников, которые, как выяснилось, подвергли разгрому иранский...асфальтовый завод. К счастью, в столь ранний час рабочих там не было, но охранявшие его

два полицейских были убиты, да ещё миномётным огнём разрушено несколько жилых домов в посёлке. Оказалось, десант «промахнулся» то ли на 12 км, то ли на все 20, так что с борта Ан-30 последовал приказ немедленно выходить с территории Ирана.

Надо сказать, что скорость, с какой иранцы отреагировали на вторжение, достойна уважения: МИД Ирана направило ноту протеста Советскому Союзу, когда десант ещё оперировал на иранской территории. Столь же стремительно среагировали и иранские военные: с аэродрома Бендер-Аббас пришли пара иранских истребителей Phantom F-4, которые обстреляли стоявшие на земле вертолёты ракетами, правда, безуспешно, но затем появилась вторая пара «Фантомов», которые огнём уже своих шестиствольных пушек «Вулкан» успешно разнесли вдребезги один Ми-8 и повредили второй — его пришлось уничтожить. Затем к району вторжения подтянулся целый иранский мотопехотный батальон с танками и бронетранспортёра-

ПОВРЕЖДЕНИЯ, НАНЕСЕННЫЕ «ФАНТОМАМИ»

СОВЕТСКИЕ ВЕРТОЛЁТЧИКИ ВОЗЛЕ НЕРАЗОРВАННОЙ ИРАНСКОЙ РАКЕТЫ

ми, но до боя не дошло — вертолётчикам удалось своевременно эвакуироваться с территории Ирана. А вот части десантников пришлось уходить самостоятельно, в пешем порядке и под огнём, но и они без потерь сумели перейти границу. МиГ-23 прикрывали могли сбить иранские «Фантомы», но из Москвы последовал категорический приказ: огня не открывать. «Не хватало только, — резонно говорил позже генерал Табунщиков, — чтобы мы ещё иранский самолёт в Иране сбили».

...А базу всё же накрыли в тот же день, но время было потеряно: моджахеды ушли, унеся всё ценное с собой. Да ещё и во время уже этой фазы операции потеряли два вертолёта: пришлось уничтожить потерпевший аварию Ми-8, и был сбит топливозаправщик Ми-6. Зато обошлось без потерь — только несколько легко раненых. Конфликт с Ираном замяли: Москва принесла официальные извинения Тегерану, семьям погибших полицейских советское правительство назначило пенсии, за разрушенное заплатили. А карьера полковника Апрелькина на этом и завершилась — его сделали единственным козлом отпущения.

«МЫ НИКОГДА НЕ ПОСЫЛАЛИ В БОЙ НЕОПЫТНЫХ АНГОЛЬСКИХ ЛЁТЧИКОВ...»

Как советские военные советники воевали в Анголе

СОВЕТСКИЙ СОВЕТНИК САМОЙЛОВ В КАБИНЕ «СПАРКИ» МИГ-21. НАМИБ. 1986

Вячеслав САМОЙЛОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

По стране гремела перестройка, но в советской прессе продолжали появляться сообщения о боестолкновениях ангольской армии с вооружёнными — гражданская война! — формированиями оппозиционной правительству Республики Ангола партии УНИТА, о враждебных действиях режима апартеида Южно-Африканской Республики (ЮАР) в отношении дружественного СССР африканского государства. Дружба та была не на словах, подкреплена она была основательно оружием и советскими военспецами.

Я тогда учился в школе и хорошо помню, как обращали на себя внимание на довольно однообразном общем фоне отпечатанные на пахнущих типографской краской газетных страницах слова (Ангола, Намибия), аббревиатуры (ЮАР, УНИТА). Упоминались иной раз в заметках и «солдаты удачи» — наёмники, воюющие на стороне врага представители государств Запада. (Как тут было не вспомнить Георгия Жжёнова в последнем фильме популярной кинотрилогии «Возвращение резидента»,

где разведчик Тульев вербует в Африку в качестве «дикого гуся»!) Хотя в целом информации о ситуации в Анголе у обычных граждан Советского Союза было очень мало. В советской газете в середине 1980-х могли сообщить: в провинции Квандо-Кубанго сбит военно-транспортный самолёт ВВС Анголы. Получалась как бы чисто ангольская история. На деле это был, по сути, советский самолёт с «камарадас советикус» (порт. *camarada sovi tico* — советский товарищ) на борту.

На фоне перестройки всё громче раздавались голоса, призывавшие прекратить тратить средства и силы, оказывая помощь странам третьего мира. В декабре 1988 года СССР объявил об односторонних мерах по сокращению вооружённых сил. Тем не менее наша страна и в тот период оказывала масштабную поддержку разным дружественным государствам, в том числе и Анголе. И даже после распада Союза в последней присутствовал Главный военный

советник (ГВС) с группой, состоящей из нескольких десятков человек. И довольно много советских военных после 1992-го в эту африканскую страну поехало служить по контракту.

Ветераны не считают, что их деятельность в Анголе была напрасной. Благодаря большой помощи СССР и Кубы это государство сохранило суверенитет и территориальную целостность, а Россия получила в этом регионе, как считают многие ветераны, надёжного союзника. Участие наших граждан в ангольском военном конфликте Советский Союз не признавал. Официальная позиция: советники, специалисты, переводчики направляются для оказания помощи. Прямое участие «камарадас советикус» в боевых действиях на просторах злаковых саванн и вельвичиевых пустынь отрицалось.

Теперь часть информации об этой «помощи» перестала быть секретной. Поэтому сегодня мы публикуем отрывки из книги

«Мы свой долг выполнили! Ангола: 1975–1991» (издана Студией «Этника», тираж 1000 экз.). Это воспоминания воинов-интернационалистов — председателя Союза ветеранов Анголы (СВА) полковника в отставке Вадима Сагачко и члена Союза ветеранов Анголы подполковника в отставке Вячеслава Самойлова — интереснейшие свидетельства о той неизвестной войне, которую СССР вёл в южном полушарии. То, что это было прямое участие в военных действиях, в частности, подтверждают воспоминания военного лётчика-инструктора 1-го класса Вячеслава Самойлова.

Владислав Николаев

Самойлов Вячеслав Николаевич, подполковник в отставке. Выполнял интернациональный долг в Анголе в качестве специалиста при командире авиационной эскадрильи самолётов МиГ-21 с апреля 1985-го по март 1988 года.

«С начала спецкомандировки и до декабря 1985 года я находился на основном аэродроме базирования в Лубанго и летал

“ Боевые вылеты в Анголе совершали опытные советские лётчики: Виктор Могилин, Виктор Тарасов, Михаил Матюш, Василий Денисов..

на двух типах самолётов: МиГ-21 и МиГ-23. В Лубанго размещались два авиаполка: ангольский и кубинский. Стало тесно. В конце 1985 года остро стал вопрос скорейшего ввода в строй прибывших ангольских выпускников Краснодарского высшего военного авиационного училища им. Серова и отправки их на прифронтовые аэродромы для выполнения боевых задач. Бывший тогда командующим округом майор Элдер Виейра Копелипа поставил нам с моим подсоветным Шавешем задачу с двумя эскадрильями МиГ-21 в кратчайшие сроки перебазироваться на аэродром Намиб (Мосамедиш) и приступить к полётам с молодыми лётчиками. В декабре 1985 года мы перелетели на этот аэродром, который в дальнейшем стал для нас базовым. Нам отводилось всего несколько месяцев на подготовку молодёжи в Намиб: выпустить самостоятельно по кругу и в зону на простой пилотаж одиночно, парой и на боевое применение по наземным целям. Затем перелёт на прифронтовые аэродромы и доподготовка одновременно с выполнением боевых задач. С поставленными задачами мы справились, хотя это стоило нам невероятных усилий и нервов, потери двух новеньких самолётов МиГ-21бис. К счастью, тогда лётчики остались живы. Одному, Думингушу, я дал команду на катапультирование в критический момент. А второго, Марселино, я, будучи его ведущим, со второго раза завёл на посадку при ухудшившейся видимости. Он сел с перелётом на большой скорости, выкатился, самолёт перевернулся и переломился пополам. Лётчик тогда чудом остался жив. Я наблюдал за всем этим, находясь в воздухе. А погиб Марселино позже, при выполнении боевого вылета.

В какой-то момент пошли разговоры о назначении майора Э.В. Копелипа главкомом ВВС и ПВО Анголы. Он попросил меня полетать с ним на спарке МиГ-21УМ в качестве инструктора, то есть дать ему вывозную программу (по его словам, он ранее летал на Ан-2). Мы с ним сделали несколько вылетов. Я тогда объяснил ему: чтобы освоить взлёт и посадку на самолёте МиГ-21, нужно бросить все дела и ежедневно заниматься только подготовкой к полётам. И не факт, что финал будет успешным. Он очень умный человек и всё понял правильно. Я с большим уважением относился к нему и его подчинённому и другу капитану Сантушу. Меня очень трогало, когда Сантуш к праздникам вручал мне по целой коробке красного вина — огромного дефицита в тех условиях.

Недостатка в боевых самолётах у нас не было. В Луанду сухогрузом из СССР в контейнерах прибыло порядка 40 самолётов МиГ-21бис. Заводская бригада из Львова их собирала, я делал облёт и перегонял самолёты в Намиб, это около 900 км. Спустя несколько месяцев после начала полётов в Намиб мы уже продолжали ввод молодых лётчиков в строй на аэродромах Менонге и Луэна.

«У МЕНЯ ОСТАЛСЯ ОДИН СНАРЯД»

Меня иногда спрашивают, а совершали ли вы сами боевые вылеты в Анголе? На штурмовку, на перехват целей? Ведь нас в Анголу посылали не воевать, а обучать лётчиков. И приказов на боевые вылеты никто нам не отдавал. Я не покривлю душой, если скажу, что мы никогда не посылали неопытных ангольских пилотов выполнять боевые задачи, к которым они не были готовы. Такие вылеты производили сами или летали с ангольцами в паре в качестве ведущих. Помогая ангольцам, такие вылеты совершали опытные советские лётчики, я и мои друзья: Виктор Могилин, Виктор Тарасов, Михаил Матюш, Василий Денисов. Мы часто парой летали с моим близким другом Виктором Могилиным. Подполковник Могилин был старше меня на пять лет. До Анголы он два года провёл в Афганистане и в течение трёх лет с приграничного аэродрома выполнял боевые вылеты над этой воюющей страной.

Мы всегда делали не более двух заходов на цель, причём с разных направлений, чтобы уменьшить вероятность быть сбитыми. Однажды, когда Виктор был ведущим, при нижнем крае облачности в 400 м, мы

проводили стрельбу НУРСами с малыми углами. Атаки были скоротечные, и я в азарте предложил сделать третий заход, чувствуя, что остались в блоках снаряды. Виктор принял решение уходить домой. После посадки я проверил блоки — у меня остался всего лишь один снаряд. Сохранился в памяти и эпизод, когда он сопровождал меня: я перегонял боевой самолёт с неисправным неубирающимся шасси, на малой высоте из Сауримо в Луэну. Опасались, что может не хватить топлива, и он очень переживал за меня. А когда прилетели и к вечеру добрались до города — голодные в полуобморочном состоянии, как дети радовались какой-то похлёбке, предложенной нам ангольцами.

Однако боевые вылеты в Анголе не были самоцелью. Вспоминается такой случай. Однажды мне пришлось вылететь на перехват воздушной цели: со стороны ЮАР периодически залетали разведчики. На командно-диспетчерском пункте в Намиб находился ангольский капитан Андраде, замглавкома по истребительной авиации. Летал он на самолётах-штурмовиках Су-22. Советский офицер боевого управления навёл меня на цель. Меня смутило то, что цель была какая-то необычная, нескоростная. Но вот цель обнаружена на экране прицела, происходит сближение, захват цели, созданы все условия для пуска ракеты. Только нажать на боевую кнопку. Если бы это было в районе прифронтовых аэродромов, я без колебаний так и поступил бы. Но в этих условиях принял другое решение: вначале визуально обнаружить цель, идентифицировать её, а затем сбивать. Я выскочил за облака, но цель резким разворотом со снижением ушла в сторону океана и исчезла с экранов радиолокаторов.

После посадки Андраде мне сказал в запале: «Ну почему ты не пустил ракеты?!» А я ему в ответ: «А если это был не разведчик, а заблудившийся без связи ошалевший борт?!» Капитан Андраде всё правильно понял: тогда в нём говорил азарт боевого лётчика.

Молодые ангольские лётчики понимали наше честное и бережное отношение к ним и полностью доверяли нам, выполняя все наши наставления. Бывало, я срывался при разборе полётов, но они не обижались на меня, понимая, что мною движет только одно желание — сохранить им жизнь. Очень горько вспоминать о потерях, неизбежных в нашей профессии. Погибли молодые ангольские лейтенанты: Лоренс, Марселину, Лейтау. Ранее не вернулся с боевого вылета достаточно опытный капитан Антонио, мы были с ним друзьями. Чудом остался жив замполит эскадрильи Орасио. После госпиталя он уже больше не летал.

Тот случай с Орасио до сих пор у меня перед глазами: очень хорошо запоминающаяся дата — 22 июня 1985 года. Группа из восьми боевых самолётов МиГ-21бис с полным боекомплектom и я, старший и ведущий группы, на самолёте МИГ-21УМ осуществляли перелёт с аэродрома Лубанго на аэродром Менонге для выполнения боевых задач. Я, с наименьшим остатком топлива, сел первым. Когда заруливал на стоянку, на посадку заходил последний самолёт — МиГ Орасио. После остановки я покинул кабину, повернул голову в сторону начала ВПП и увидел клубы чёрного дыма. Через несколько минут я был на месте аварии: самолёт перевернулся, фонарь кабины зарылся в песок, всё начинало гореть. Счёт шёл на секунды. Мы попытались тросом ГАЗ-66 повернуть самолёт, чтобы открыть фонарь кабины, но не получилось. Недалеко находились кубинцы на бронетранспортёре, из охраны аэродрома. Один из них, рискуя жизнью, кувалдой пробил небольшую дыру в фонаре и вытащил Орасио из кабины! Его бросили в кузов ГАЗ-66, который тут же сорвался с места. Все успели отбежать метров на сто, как раздался первый взрыв, а потом стали рваться снаряды из боекомплекта. Для меня до сих пор остаётся загадкой: как удалось вытащить ангольца через ту маленькую дыру в

фонаре, как он пролез?! На следующее утро мы с Шавешем навестили Орасио в госпитале. Заходим в убогую мрачную палату, видим на кровати грязную подстилку — у меня неприятно заныло внутри: неужели умер?! И вдруг замечаем, что по коридору идёт, шатаясь, с наброшенным на себя одеялом, наш Орасио. Как же мы тогда обрадовались!

В ПОИСКАХ ШАВЕША

Летом 1988 года у меня в СССР была трогательная встреча в Краснодаре с Шавешем и ещё одним моим другом Франсишку Афонсу Анга. Шавеш был уже командиром ВВС, а Анга — заместителем главкома ВВС и ПВО Анголы по авиации. Они переучивались в Краснодаре на самолёты Су-22. Анга пользовался у нас уважением: умный, последовательный, добрый и порядочный человек. Сейчас он возглавляет ВВС Анголы в звании генерал-полковника авиации. Один штрих к портрету: во время боевых вылетов он просил нас без острой необходимости не использовать зажигательные бомбы — они губят лес и всё живое на больших площадях. Он всегда помнил, что это его родная земля и её надо беречь.

У меня с Шавешем были, без преувеличения, братские взаимоотношения. Мы были очень привязаны и бесконечно доверяли друг другу. Проводили много времени вместе: и в воздухе, и на земле. Позже, в середине 1990-х годов, я узнал о его трагической судьбе. В одном из боевых вылетов Шавеш был сбит, катапультировался, но попал в плен. После издевательства унитовцы отрубили ему руки, и он умер от потери крови. Вечная ему память!

После увольнения из армии мне приходилось часто и подолгу работать в странах Южной и Центральной Африки. И каждый раз я ловил и продолжал ловить себя на мысли: вдруг увижу Шавеша. Может, он не погиб и ему удалось спастись?! Может, он изувеченный побоялся вернуться домой, ведь мои первые подсоветные, которых сбили раньше, Матамба и Кабрал, остались живы. Унитовцы их переправили в ЮАР и вынудили вести агитацию по радио, направленную на молодых лётчиков. Однажды в Виндхукке я увидел человека, издали удивительно похожего на Шавеша. Я пошёл за ним, но, когда он обернулся и мы встретились глазами, я понял: чуда в этот раз не случилось. Но я не теряю надежды».

«Я В АНГОЛЕ ПОПАДАЛ В СЕРЬЁЗНЫЕ ПЕРЕДЕЛКИ...»

Сагачко Вадим Андреевич, полковник в отставке. В 1988–1990 годах выполнял интернациональный долг в Народной Республике Ангола. Был военным советником командира пехотной бригады ФАПЛА (Народные вооружённые силы освобождения Анголы, порт. — FAPLA), старшим военным специалистом по боевому применению пехотных и танковых подразделений управления боевой подготовки штаба Южного фронта.

«В Союзе, в Управлении кадров штаба округа в командировку в Анголу меня оформляли на три года с семьёй на должность советника начальника учебного центра, находящегося где-то возле Луанды. В «десятке» уже перед отправкой мне сказали, что я еду советником командира боевой 3-й пехотной бригады на восток страны, то же самое мне объявили и кадровики в Луанде. Но вернувшийся из Луэны ГВС генерал Гусев меня переназначил на Южный фронт, в район Куито-Куанавале, в 10-ю пехотную бригаду. Бригада была переброслена из анклава Кабинда на юг, в провинцию Квандо-Кубанго, для охраны дороги, ведущей из центра провинции города Менонге в населённый пункт Куито-Куанавале.

По прибытии в расположение штаба меня представили офицерскому составу управления бригады. Вскоре моему подсоветному, командиру бригады капитану Инсендиариу в обстановке строгой секретности вручили вводную на проведение операции по уничтожению двух унитовских баз, обнаруженных в зоне ответственности бригады. Теперь ему надлежит к обеду принять решение и доложить. По легенде в

В. САГАЧКО ПОСЛЕ РАНЕНИЯ. АНГОЛА. 1988

бригаде проводятся тактические учения. Это для всего личного состава. Об истинной цели знает только узкий круг лиц. Вот она, моя первая работа. Мои советы комбриг выслушал, но решение принял своё, заносчиво заявив, что он лучше знает, как бороться с унитовцами, так как он сам вчерашний партизан. (УНИТА — Национальный союз за полную независимость Анголы. — Ред.) Пришлось дипломатично согласиться с ним. Но он всё-таки попросил помощи в оформлении карты-решения. После обеда командующий округом и моё начальство, заслушав решение комбрига, порекомендовали некоторые моменты переделать и уехали в Куито-Куанавале, пообещав забрать меня на обратном пути.

В двух километрах от деревни занимает оборону кубинская тактическая группа из 70-й танковой бригады РВС Кубы. Это танковый батальон, усиленный мотострелковой ротой, противотанковой батареей, артиллерийской батареей, зенитной батареей, сапёрными подразделениями. Вечером приехали два кубинских офицера. Старший лейтенант — особист и капитан-тыловик. Особист говорит по-русски, а тыловик — нет. Поинтересовались, в чём я нуждаюсь и какие мне нужны продукты. Забрали меня к себе в гости, пообещав комбригу вернуть меня в целости и сохранности. Оказывается, до меня в бригаде был кубинский советник. Хорошие, весёлые ребята. Некоторые здесь, в Анголе, по третьему и даже четвёртому разу, но основная часть — второй раз. Много запасников (резервистов). Соответственно на столе были кубинский ром и португальское «тинто» (красное сухое). Вот так я наладил первый контакт с кубинскими интернационалистами.

«ЭТО БЫЛА НЕПОНЯТНАЯ ВОЙНА»

Моей бригаде была поручена охрана участка дороги протяжённостью 53 километра, от реки Куатир до района Масека. Эту дорогу называли и Дорогой смерти, и Дорогой жизни. По ней шло всё снабжение войсковой группировки в Куито-Куанавале. Раньше по этой дороге почти невозможно было проехать — постоянные засады, фугасы и мины. Обыкновенно транспортная колонна ФАПЛА выходила из Менонге и двигалась до Куито-Куанавале (всего 180 километров) почти две недели. Впереди медленно шли сапёры, проверяя миноискателями и шупами дорогу, а сзади ползли гружёные продовольствием, боеприпасами и имуществом машины. На удобном участке унитовцы устраивали засаду. Головную машину подрывали фугасом, а остальные расстреливали в упор из пулемётов, гранатомётов и миномётным огнём. Я насчитал на этой дороге около 360 единиц подбитой и сожжённой техники — машин, бронетранспортёров, танков. До этого подобное я видел только на фотографиях и в кинохронике из Афганистана.

Выглядело это так: вдоль дороги через каждые три — пять километров были оборудованы взводные опорные пункты. В центральном опорном пункте находилось командование роты, тыловые подразделения, зенитчики и один пехотный взвод. Во взводном опорном пункте днём находилось человек десять, а остальные 15—20 человек находились на блокпостах — по два-три человека. Блокпост в тех условиях представлял собой обычные окопы с обеих сторон дороги, устроенные для ведения круговой обороны, с дополнительной защитой из брёвен и мешков с песком. Над окопами для защиты от солнца и для маскировки сооружались навесы из тростника или листвы деревьев. Возле взводных опорных пунктов дорога перегораживалась шлагбаумами. Блокпосты выставлялись на расстоянии зрительной и огневой связи — где-то в 200—300 метрах один от другого. В ночное время личный состав с блокпостов снимался и сосредоточивался во взводном опорном пункте. Взводами были приданы сапёры и инженерная разведка. Во взводном опорном пункте обязательно была 14,5-мм зенитная пулемётная установка ЗГУ-1 — крупнокалиберный пулемёт Владимирова.

В шесть часов утра, с наступлением рассвета, сапёры выходили из опорных пунктов и шли навстречу друг другу, проверяя

ПЕРЕД ОЧЕРЕДНЫМ ВЫЛЕТОМ НА САМОЛЁТЕ МИГ-21. ВЯЧЕСЛАВ САМОЙЛОВ СПРАВА. НАМИБ. 1985

дорогу и обочины. Вместе с группой сапёров шла очередная смена солдат на блокпосты. Они тщательно проверяли свои окопы и занимали их. Кроме того, по обе стороны от дороги на расстоянии до километра у опушки леса, на тропах выставлялось боевое охранение в количестве трёх — пяти человек. Каждую ночь они меняли месторасположение, передвигая свои позиции по фронту. Дальше, на глубину до пяти километров от дороги высылались парные дозоры из разведроты. Разведчики патрулировали территорию вдоль дороги и, если обнаруживали следы унитовцев, сообщали об этом в бригаду.

Такой способ охраны давал хорошие результаты. Ночью унитовские группы в первую очередь наталкивались на боевое охранение и после короткого боя отходили. Когда унитовцы пытались выйти к дороге днём, они встречались огнём с блокпостов. Тут же с ближайшего взводного опорного пункта на помощь выдвигалось усиление, и открывался огонь из крупнокалиберного пулемёта.

На практике бригада держала оборону на фронте протяжённостью 53 километра, что никакими уставами не предусмотрено. Позже, когда начался отвод кубинских войск, добавили ещё 24 километра. Кроме того, в задачу бригады входило проведение частных операций в зоне своей ответственности. Зона ответственности бригады — это по 50 километров в каждую сторону от дороги, на север и на юг. На этой территории бригада проводила операции и рейды по обнаружению и уничтожению баз и отрядов противника — подразделений УНИТА.

Это была непонятная война, какая-то смесь войны и мира. В тогдашнем моём ощущении это была не война, а просто военная работа. Работа в другой стране с приключениями, риском и опасностями. Ведь не было такого, как во время Великой Отечественной войны — непрерывные бои, постоянные артобстрелы и бомбёжки. Конечно, это у нас тоже было, но какими-то отдельными эпизодами. Хотя для отдельных бригад эти эпизоды длились по три-четыре месяца, а то и больше. Поэтому я считаю, что для нас всё это наиболее точно отображает понятие «участие в боевых действиях», а не «война», так как война у нас перемежалась с безмятежной мирной жизнью. Иногда были и пальмы, и песок пляжа, и океан, и признаки комфорта. Были и весёлые застолья с братьями кубинцами, и болгарами, и местными ангольцами. Мы отмечали ангольские, кубинские и советские праздники вместе с командованием,

ангольской бригадой и кубинским командованием. Чей государственный праздник был, та сторона и накрывала стол, приглашала к себе в гости. Спиртное доставали по возможности: испанское вино у ангольских тыловиков, ром у кубинцев, виски, бренди и джин на рынке в Луанде; баночное пиво в магазине советской военной миссии в Луанде. Так было и когда я работал в 10-й пехотной бригаде, и при подготовке частей других фронтов к войсковым операциям. Праздники нас сближали. Порой посредством «народной дипломатии» мы добивались нужного взаимопонимания с подсоветной стороной, когда оно отсутствовало.

В Лубанго же таких тесных контактов с подсоветной стороной и кубинцами не было. Там отмечали наши праздники только в своём коллективе. Там обстановка была мирная, войной не пахло. Город большой — это центр провинции Уила. Советская военная миссия располагалась в большом шестизэтажном здании какого-то бывшего пансиона. Здесь были и служебные помещения, и квартиры гостиничного типа. Почти все офицеры и прапорщики были с жёнами. За исключением нескольких человек, таких как я, которые прибыли сюда из окопов боевых бригад. И, как в любом военном гарнизоне в Союзе, здесь был создан и работал женсовет. Коллектив собирался в офицерской столовой (кафе). Праздники начинались с традиционного официального выступления руководителя, затем шло театрализованное представление или концерт художественной самодеятельности.

Также была традиция устраивать праздник для друзей вернувшимися из отпуска коллегами. Они привозили с Родины то, чего не было в Анголе, — водку, чёрный хлеб и селёдку.

134 ДНЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

А участие в боевых действиях — так у нас это было совсем не так, как в Афганистане. Во-первых, другие особенности персонального учёта боевых действий. В Афганистане, как только пересёк границу, так сразу начинал работать «счётчик» участия в боевых действиях. У нас же, хотя Ангола жила в условиях гражданской войны и интервенции ЮАР, выход каждой бригады в рейд отдавался приказом Главного военного советника. Но участие в боевых действиях засчитывалось лишь тогда, когда рейд был результативным. Рейд

длился 7—10 дней. По окончании рейда я должен был представить полный письменный отчёт о результатах его проведения с приложением отчётной карты операции. Об этом сообщалось в Москву. Параллельно шёл доклад по линии местной стороны в Генеральный штаб ФАПЛА. «Десятка» в конце командировки отдавала приказом и записывала в личное дело эти дни участия в боевых действиях. Вот таким образом у меня набралось 134 дня непосредственно боевых действий.

Во-вторых, дипломатическая Москва почему-то считала, что наши военные в Анголе в боевых действиях не участвуют. Об этом неоднократно заявлялось на международных переговорах и на заседаниях ООН. Артиллерийские и миномётные обстрелы, возможность ежедневно в любом месте попасть в засаду и подорваться на фугасе, задеть растяжку Клеймора или наступить на противопехотную мину — всё это боевыми действиями для нас не считалось. В-третьих, до августа 1988 года, кроме партизан, нашими противниками были регулярные части армии ЮАР, которые вели бои с применением танков, артиллерии и авиации.

Я участвовал в нескольких боевых рейдах, во время которых находился рядом с командиром бригады. В атаку в цепи вместе с солдатами не ходил, так как моё место было на КП бригады. Но несколько раз попадал в серьёзные переделки, когда приходилось браться за автомат и отстреливаться. Пару раз попадал под миномётный огонь.

Трудно передать всю ту гамму чувств, которую я испытывал в конце командировки. Это были одновременно и тоска по родителям, и радость от близкой встречи с ними. Была тоска по Родине. Бывая в Луанде, мы старались съездить на аэродром, чтобы притронуться к нашему самолёту, который только что прилетел из Союза. Вечерами пытался восстановить в памяти все дни и ночи, проведённые в Анголе. А вернувшись на Родину, вспоминал те моменты, когда мог погибнуть и меня могли отправить на Родину «грузом 200». Как-то не думалось, что ты в воюющей стране и где-то идут бои и гибнут люди. Ведь мы в письмах писали, что «у нас всё в порядке», что живём мы в «бананово-апельсиновом раю», что это экзотическая, сугубо мирная, чуть ли не туристическая прогулка. И что война, о которой пишут в газетах, «далеко от нас».

Фото предоставлены Студией «Этника»

“ Бригада проводила операции и рейды по обнаружению и уничтожению баз и отрядов УНИТА

Битва под Кифангондо

Почему ангольские политики и историки напрочь забыли об интернациональной помощи СССР и Кубы во время гражданской войны 70-х годов XX века

Владислав НИКОЛАЕВ

Специально для «Современно секретно»

В сентябре 1975 года Ангола, бывшая колония Португалии, распалась на три территории, находящиеся под контролем разных сил. ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы — ангольская военно-политическая организация, с 1992 года — правая политическая партия) контролировал северные провинции, границу с Заиром и области на северо-востоке, где велась добыча алмазов. Просоветское МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы, а ФАПЛА — это армия МПЛА) удерживало Луанду и сохраняло контроль над большей областью в центре страны, а также Атлантическое побережье до границы с Намибией. УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы — ангольская политическая партия, имевшая собственные вооружённые силы) контролировала малозаселённые южные районы до границ с Замбией и Намибией.

Кифангондо — местность, расположенная на возвышенности в нескольких километрах к северу от Луанды рядом с рекой Бенго. В книге военного переводчика, заместителя председателя Союза ветеранов Анголы, полковника ВВС в отставке Сергея Коломнина «Русский след под Кифангондо. Неизвестные страницы истории Чёрной Африки», вышедшей в 2014 году тиражом 1000 экземпляров (Студия «Этника»), рассказывается о событиях октября и ноября 1975 года. Тогда без всякого преувеличения решалась судьба независимой Анголы. Битва под Кифангондо стала исторической. Разгромив с помощью Кубы и СССР группировку ангольских оппозиционеров и заирских интервентов, МПЛА сохранило контроль над Луандой. Такой исход сражения позволил ангольским коммунистам укрепиться у власти. Бразильский пилот вертолёта, участник битвы под Кифангондо, воевавший на стороне ФНЛА, Педро Марангони в интервью Сергею Коломнину, которое можно найти в книге, вспоминает: «Вне всякого сомнения, эти установки (реактивные системы залпового огня РСЗО) БМ-21 «Град». — Ред.) сыграли решающую роль под Кифангондо... Это оружие сыграло решающую роль в ходе не только этой битвы, но и войны в целом. Я думаю, что, если бы недисциплинированная заирская армия вошла в Луанду, всё было бы разрушено и разграблено мародёрами...» Их, небольшую группу белых командос, служивших ударной силой ФНЛА, по мнению Марангони, в лучшем случае просто бы изгнали, ведь они были помехой такому варварству.

Боевые действия под Кифангондо не были такими масштабными, как «ангольский Сталинград», битва за Куито-Куанавале (1987 — 1988 годы). Но для ангольцев в тот период это было невиданное ими до той поры на их территории скопление военной силы и техники. В военных действиях участвовали представители разных стран, а потому в Анголе считают то сражение именно битвой.

Автор книги Сергей Коломнин в беседе с журналистом «Современно секретно» отметил, что своевременно поставить тогда в Африку наше оружие было очень сложно, ведь РСЗО БМ-21 «Град» была ещё секретным вооружением. «Лётчики Мгинской дивизии, доставившие БМ-21 в Конго — в Браззавиль и Пуэнт-Нуар, — асы и настоящие герои, — считает Сергей Анатольевич. — К сожалению, данных о том, были ли они за это награждены, не имею. Отдельная тема — принятие в Москве решения о поставке БМ-21 под ответственность резидента ГРУ в Браззавиле».

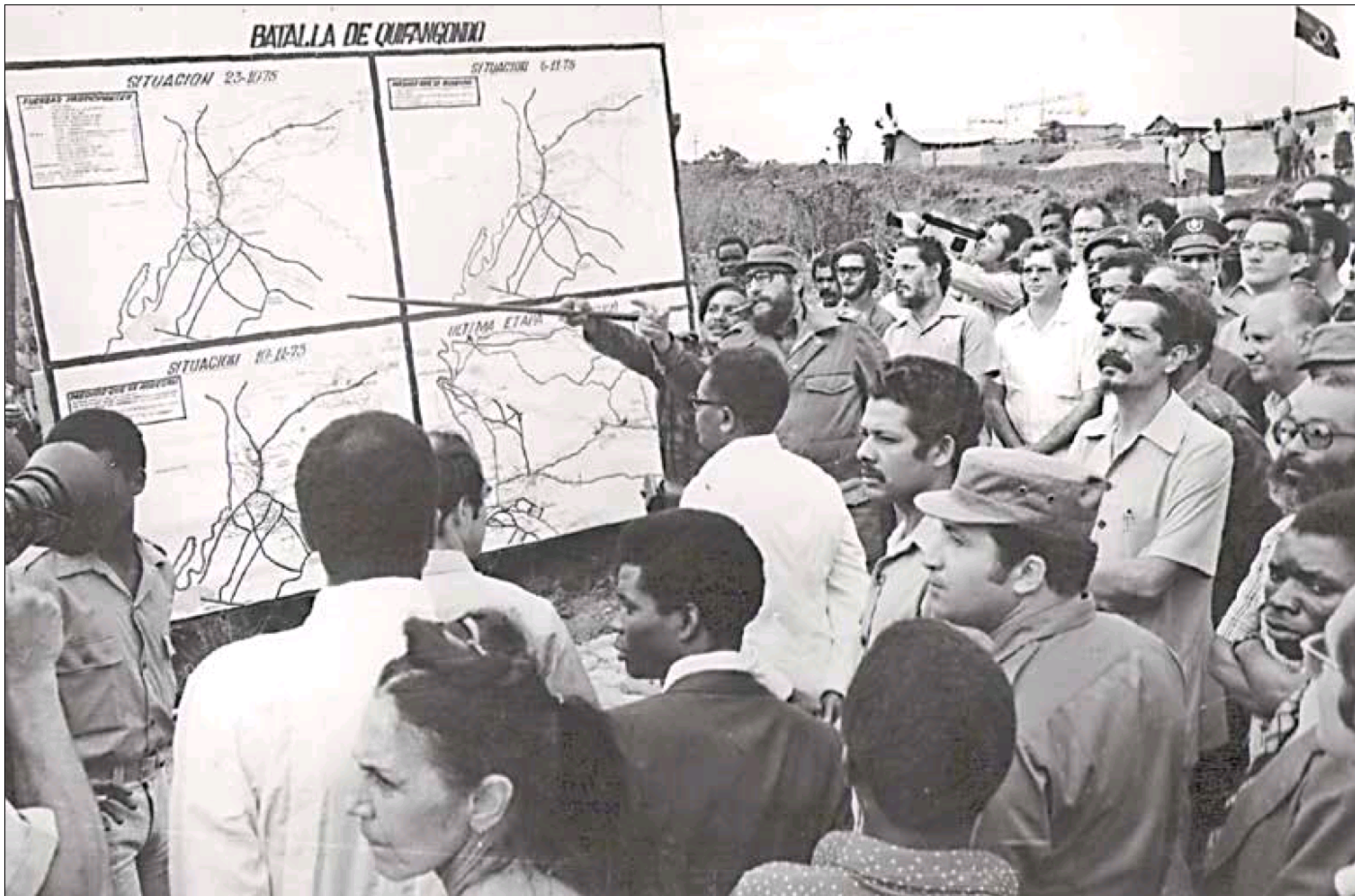

ФОТО ИЗ АРХИВА СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ АНГОЛЫ

В ХОДЕ СВОЕГО ВИЗИТА В АНГОЛУ КУБИНСКИЙ ЛИДЕР ПОСЕТИЛ КИФАНГОНДО. 1977

Характерно, что современная ангольская историография — оказывается! — по какой-то причине замалчивает не только участие и роль РСЗО БМ-21 «Град» в битве при Кифангондо. Почему-то в Анголе сегодня при создании памятников, фильмов стараются не упоминать, например, о, по сути, решающем вкладе кубинских войск в победу за Куито-Куанавале, а также об участии в боях советских военных советников, специалистов и о советской военной помощи. Между тем «камададас советикус» не только помогали, но и погибали. Барельефы мемориала в районе Кифангондо никак не отражают участие в этой судьбоносной для Анголы и её народа битвы кубинского контингента и советских военных советников, специалистов, роль советского оружия...

Газета «Современно секретно» публикует одну из глав книги Сергея Коломнина «Русский след под Кифангондо» с незначи-

тельными сокращениями и с пояснениями, которые по нашей просьбе дополнительно сделал автор. Не забудем, что Сергей Коломнин — военный переводчик и полковник ВВС в отставке, поэтому он так подробно, в деталях разбирает один из главных эпизодов гражданской войны в Анголе: почему ангольцы «забыли» о ключевом участии советских «Градов» в битве при Кифангондо? Любители переписывать официальную историю есть везде, в том числе и в Африке.

ЗАБЫТЫЕ ЗАЛПЫ 40-СТВОЛЬНЫХ «МОНОКАШИТО»

«Действительно, ни один ангольский гид (а в их качестве часто выступают участники битвы), который проводит экскурсии по

мемориалу, возведённому в районе Кифангондо, а он ныне считается главным национальным памятником героям Анголы в борьбе за независимость, не упоминает о залпах 40-ствольных «Монокашито» советского производства, решивших исход сражения в пользу МПЛА. На стенах мемориала, богато украшенных барельефами ангольских героев (кубинцев среди них нет), не нашлось места для изображения БМ-21, хотя эта установка была очень популярна у ангольцев в ходе войны 1975–1976 годов и последующих боевых действий против ЮАР и УНИТА. А южноафриканцы просто гонялись за ней с задачей захватить хоть одну исправную РСЗО БМ-21 «Град»!

Обстановку мог бы прояснить командующий ангольской группировкой под Кифангондо команданте Ндози, но он, к сожалению, умер, не оставив воспоминаний. Ангольские ветераны также не говорят о залпах БМ-21, как будто бы их и вовсе не было! Вот, например, капитан Алваро Антонио справедливо утверждает, что после стычки у моста, где были уничтожены бронированные АМЛ «португальских наёмников», «бой продолжался ещё четыре часа». Но далее он продолжает: «После чего противник обратился в бегство, оставляя множество трупов и разбитую технику на дороге».

После чего именно противник бежал? Что заставило его отступить? По какой причине на дороге образовались «множество трупов и разбитая техника»? Не инопланетные же их уничтожили!

Участник сражения генерал К. Мело Шавиер полностью оставляет за рамками своих опубликованных воспоминаний участие БМ-21 в тех боях и утверждает, что «решающим моментом боя под Кифангондо был тот, когда войска противника приблизились к мосту через Бенго и начали нас обстреливать из броневигов типа Panhard». Он подчёркивает: «С нашей стороны последовал ответ, и выстрелы из трёх 76-мм пушек воспрепятствовали продвижению противника в составе трёх пехотных батальонов Заира, поддержан-

АНГОЛА, ГОРОД НАМИБ, АЭРОПОРТ ИМ. ЮРИЯ ГАГАРИНА. СПРАВА — АВТОР. 1977

ных ротой наёмников». Оставим на совести ангольского генерала отсутствие упоминания в данном тексте его основного противника в тот момент — вооружённых сторонников ФНЛА, как-никак в сегодняшней Анголе это легитимное политическое движение, и депутаты от него входят в парламент страны.

Но генерал, возглавлявший Военную академию, должен по крайней мере предположить, что три пушки (не дальнобойные гаубицы!) ЗИС-3 калибра 76-мм с сектором обстрела, ограниченным только мостом через реку Бенго, вряд ли были способны обратить в беспорядочное бегство всю атакующую группировку противника, состоящую из полтора, а то и 2 — 3 тысяч вооружённых солдат, среди которых имелись и опытные португальские «наёмники» и которых поддерживала бронетехника (AML Panhard). И заметим: опять ни слова о залпах БМ-21, которые решили исход столь важного для МПЛА сражения в его пользу.

Среди воспоминаний ангольских участников событий со стороны МПЛА-ФАПЛА я обнаружил лишь одно свидетельство, которое косвенно может послужить признанию роли БМ-21, сыгранной в сражении. В сборнике «A batalha de Kifangondo. 1975. Factos e documentos» ангольский генерал, участник битвы Салвиано де Жезус Секейра «Кианда» вспоминает: «Предыдущей ночью, с 9 на 10 ноября 1975 года, в наши боевые порядки была доставлена новая система оружия, громко заявившая о себе в годы Второй мировой войны и получившая название «органы Сталина» — БМ-21». Но как они применялись в битве? К сожалению, ангольский генерал этого не уточняет.

Логично предположить, что о боевом применении «Градов», доставленных, как вспоминает генерал Кианда накануне решающего сражения на позиции под Кифангондо, должен помнить командующий артиллерией 9-й бригады ФАПЛА Роберто Леал Монтейро «Нгонго». Его воспоминания опубликованы в исследовании доктора исторических наук Владимира Шубина «Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960 — 1990 годы)». Но и там нет оценки использования БМ-21 в битве. Более того, Нгонго отрицает применение таких установок и их решающую роль 10 ноября 1975 года.

Приведём слова участника батальи Нгонго. «Предыдущим вечером, 9 ноября 1975 года, наступавшие войска Заира и ФНЛА и действовавшие с ними наёмники начали обстреливать нефтеперегонный завод и район Графанил в Луанде, где находились военные склады, используя тяжёлые орудия, находившиеся на северной стороне возвышенности Моро да Кал. Затем утром сделанные во Франции бронетранспортёры (броневые автомобили Panhard AML — Ред.), экипажи которых состояли из белых наёмников, начали движение в сторону Кифангондо, в то время как пехота лидера ФНЛА Холдена Алваро Роберто и президента Заира Сесе Секо Мобуту сосредоточилась в пальмовой роще немного севернее. Мост через реку Бенго был взорван защитниками Кифангондо, а когда БТР подошли к нему, их встретил огонь 76-мм советских орудий со смешанными кубинско-ангольскими расчётами». Однако далее Владимир Шубин цитирует генерала Нгонго: «Затем сосредоточение пехоты в роще было накрыто ракетами из шести переносных «Град-П», которые в своём распоряжении имел Нгонго как начальник артиллерии 9-й пехотной бригады ФАПЛА... А что касается ракетных установок БМ-21 с кубинскими расчётами, то, по словам Нгонго, они использовались для обстрела более отдалённых целей, а также позднее, под Кашито в ходе контрнаступления».

Интересно, что это за «более отдалённые цели»? Никаких «более отдалённых целей», кроме выдвигавшейся колонной войск ФНЛА и Заира по дороге к Кифангондо и позиций гаубичной и миномётной артиллерии Холдена Роберто, расположенных на возвышенности Моро да Кал, 10 ноября у ФАПЛА и кубинцев не имелось. И именно эти цели, по воспоминаниям кубинцев, и были «накрыты» БМ-21. Их дальность выстрела (максимум 20 км) позволяла с занимаемых позиций к востоку от холма Кифангондо держать под прицелом большую часть дороги, включая оба моста, а

АНГОЛЬСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ФАПЛА ПОЗИРУЮТ НА БМ-21 «ГРАД» ВО ВРЕМЯ ПАРАДА. В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ 1975 — 1976 ГОДОВ В АНГОЛЕ СОВЕТСКИЕ БМ-21 ПРИМЕНЯЛИСЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО КУБИНСКИМИ ВОЙСКАМИ, ПОСКОЛЬКУ У АНГОЛЬЦЕВ В ТОТ ПЕРИОД НЕ БЫЛО ПОДГОТОВЛЕННЫХ КАДРОВ. 1976

выдвинувшись вперёд к мосту через Бенго, и достать до Моро да Кал.

По воспоминаниям Нгонго, войска противника, «оставившего множество трупов и разбитую технику на дороге к Кифангондо, уничтожили залпы шести переносных «Град-П». Возможно ли это с точки зрения военного профессионала? Ведь эффективность применения «Град-П» не может идти ни в какое сравнение с 40-ствольной реактивной системой залпового огня БМ-21 «Град».

МИФ О ПЕРЕНОСНЫХ «ПАРТИЗАНАХ»

Давайте разберёмся. Пусковая установка 9П132 «Град-П» (индекс «П» означает «Партизан») для стрельбы неуправляемыми 122-мм двухсекционными снарядами 9М22М «Малыш» общей массой 46 кг была разработана в СССР в 1965 году по просьбе правительства Демократической Республики Вьетнам. Она предназначалась для вооружения мобильных партизанских отрядов, ведущих борьбу с американскими войсками на юге Вьетнама. Переносная установка 9П132 состоит из трубчатой гладкоствольной направляющей весом 55 кг и лёгкого треножного станка с механизмами наведения и прицельными приспособлениями. Конструкция трубчатой направляющей аналогична конструкции направляющей штатной системы БМ-21 «Град». По тактико-техническим характеристикам максимальная заявленная дальность пуска ракеты составляет 10 800 метров (эффективная — не более 6 — 8 км), а скорострельность — один пуск за 1 — 3 минуты.

Изготовление пусковых установок 9П132 велось в СССР на Ковровском механическом заводе. В 1970 году было изготовлено 406 пусковых установок «Град-П», из них

400 пошло на экспорт (все во Вьетнам). Данных за 1971 год автору не удалось найти, но известно, что в 1972 году было изготовлено 155 штук, и в дальнейшем такой уровень сохранился (150 — 155 штук ежегодно). Все они шли на экспорт, в том числе и в Анголу для МПЛА. На вооружении Советской армии установка 9П132 «Град-П» никогда не состояла.

Кубинский ветеран Гарсия Мартинес вспоминал, что бойцы ФАПЛА под командованием начальника артиллерии 9-й бригады Нгонго в боях под Кифангондо уверенно и умело обращались с советскими одноствольными ракетными установками «Град-П». «Два-три бойца легко переносили эту советскую установку, в течение нескольких минут приводили её в готовность к нормальному бою, делали несколько пусков и отступали невредимыми. При необходимости установки быстро перевозились на джипах или небольших грузовиках. Эту тактику ангольские партизаны МПЛА хорошо усвоили в боях против португальцев в лесах Анголы и с успехом применяли её под Кифангондо и в дальнейших боях на севере и юге». По данным автора, перед началом событий под Кифангондо в 1975 году ФАПЛА могли иметь (на всех участках фронта, как на севере, так и на юге) до нескольких десятков установок «Град-П». Но в боях под Кифангондо в октябре-ноябре 1975 года использовалось только шесть таких установок.

Однако кубинский ветеран «ангольской войны» Гарсия Мартинес в беседе со мной справедливо отметил, что пуск ракет из направляющей «Град-П» имеет очень существенное расхождение, которое увеличивается с повышением дальности выстрела». Об этом мне рассказывал и бывший военный советник командира пехотной бригады ФАПЛА Вадим Сагачко.)

На практике это означает, что ракеты, выпущенные из нескольких установок 9П132, стоящих рядом, могут разорваться с разбросом в несколько сотен метров! Именно поэтому, например, вьетнамские партизаны применяли «Град-П» только по площадным целям: по аэродромам, населённым пунктам, военным базам.

Однако все свидетели боя 10 ноября 1975 года со стороны ФНЛА и Заира, в том числе и Педро Марангони, указывают на внезапный массированный обстрел колонн, выдвигавшихся со стороны Моро да Кал к Кифангондо, который вызвал большие потери со стороны атакующих. Такой эффект не мог быть достигнут применением только шести установок «Град-П». И любой военный профессионал способен отличить массированный залп 40-ствольных РСЗО от пуска единичных ракет «Град-П». Бразильский военный лётчик Педро Марангони в интервью прямо заявил: «Количество БМ-21 (четыре) я вычислил по последовательности пусков ракет, когда залпы происходили с наибольшей интенсивностью. А также по району падения реактивных снарядов (их концентрации)».

К тому же беседы автора с кубинскими ветеранами, участвовавшими в битве, изучение воспоминаний кубинских военнослужащих, которые находились в боевых порядках под Кифангондо в ноябре 1975 года, дают чёткое представление о том, что такой эффект мог быть достигнут только применением днём 10 ноября 1975 года под Кифангондо 40-ствольных «Градов», а не шести одноствольных установок «Град-П». И у автора нет оснований им не доверять.

МОЛЧАНИЕ АНГОЛЬСКИХ ВЕТЕРАНОВ

Теперь шире разверну мой тезис, ради которого эта книга и была, собственно, написана. Почему я утверждаю, что задачу по полному разгрому войск Национального фронта освобождения Анголы (ФНЛА), Заира и португальских «наёмников» 10 ноября 1975 года под Кифангондо ФАПЛА решили именно с помощью залпов батареи БМ-21? Ни коей мере не хочу принизить героизм защитников Луанды — бойцов 9-й бригады ФАПЛА, значение и эффективность уже имевшихся в их распоряжении до 10 ноября огневых средств. Но как военный профессионал считаю, что без БМ-21 силы и средства ФАПЛА не способны были бы решить задачу по полному разгрому противника в этом сражении.

Ведь была ещё мощная атака войск ФНЛА и Заира на втором этапе сражения — 7 ноября. Она была отбита с применением уже имевшихся у подразделений ФАПЛА огневых средств. Противник в панике отступил. Но и контрнаступления ФАПЛА вслед

ДОСТАВКА БМ-21 В ПУЭНТ-НУАР

ГРУППА БЕЛЫХ КОММАНДОС И ЧЛЕНОВ ФНЛА ПОСЛЕ БИТВЫ ЗА КИФАНГОНДО. В ЦЕНТРЕ В КРАСНОМ БЕРЕТЕ – ПЕДРО МАРАНГОНИ

ФОТО ИЗ АРХИВА ПЕДРО МАРАНГОНИ

за этим не последовало. Это дало лидеру ФНЛА Холдену Роберто и командованию заирского контингента возможность собрать отступавших бойцов, поднять их моральный дух, отремонтировать повреждённую бронетехнику, полностью восстановить положение и хорошо подготовиться к новому наступлению, которое и последовало утром 10 ноября. Без вступивших в бой 10 ноября 1975 года БМ-21 ситуация, я уверен, повторилась бы. У подразделений ФАПЛА и кубинцев не было численного превосходства в силах и средствах, чтобы после отражения с помощью 76-мм пушек атаки перейти в наступление. А Холден Роберто, даже после отступления португальских коммандос, несомненно, продолжил бы в последующие несколько дней «давление на Луанду», как ему и советовали южноафриканские генералы. Средства у него имелись в достатке: и войска, и иностранные советники, и батарея мощных южноафриканских гаубиц G-2 с большим количеством снарядов. Южноафриканцы могли оказать ему в ближайшие дни и другую помощь, в том числе бомбардировочной авиацией и обстрелом Луанды со своих боевых кораблей — такие возможности у них были. И только внезапный массированный удар четырёх установок БМ-21, который нанёс поражение выдвигавшимся войскам, оказал существенный психологический эффект и резко развернул ситуацию в пользу ФАПЛА и кубинцев.

Далее на Кифангондо просто некому было наступать! Все войска бежали. 11 ноября, даже в отсутствие признаков контрнаступления ФАПЛА, господствующие позиции на Моро да Кал были полностью оставлены ФНЛА и войсками Заира, и там осталось всего 25 португальских коммандос. Дорога на Кашито и далее для ФАПЛА была открыта! Без удара БМ-21 битва при Кифангондо могла бы продолжиться и после 10 ноября и даже превратиться в некое «стояние при Кифангондо», которое неизвестно когда бы закончилось.

Но почему о применении БМ-21 10 ноября 1975 года молчат ангольские ветераны со стороны ФАПЛА? Хотя с противоборствующей стороны, как видно в том числе и из высказываний Педро Марангони, Холдена Роберто и командира Армии национального освобождения Анголы (ЭЛНА) Афонсо де Каштро «Тонто», решающее значение применения БМ-21 признаётся. Здесь мы подходим к весьма деликатному моменту, мимо которого нельзя пройти.

ЛАВРЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

К сожалению, сегодня в Анголе многие участники событий 1975 — 1991 годов часто

«забывают» об экономической и военно-политической помощи со стороны СССР и Кубы, которая им оказывалась в самые ответственные периоды борьбы за независимость и отстаивание суверенитета Анголы. Показателен такой пример. Владимир Шубин в своём фундаментальном исследовании «Горячая «холодная война» отмечает, что в докладе ангольского генерала Армандо Матеуша «Битва за Куито-Куанавале», сделанном на симпозиуме по истории МПЛА в Луанде в декабре 2011 года, почему-то вообще не упоминалось об участии кубинцев в

тех событиях! Хотя именно кубинские войска сыграли решающую роль в обороне города и в последующем своими решительными действиями заставили южноафриканцев уйти из Анголы.

Член совета российского Союза ветеранов Анголы Юрий Андрианов, который по решению руководства Союза был включён в состав российской делегации, приглашённой в Анголу на празднование 20-летия битвы за Куито-Куанавале в марте 2008 года, по возвращении рассказывал удивительные вещи. Например, официальный докумен-

тальный фильм о событиях под Куито-Куанавале в 1987 — 1988 годах, подготовленный ангольцами к годовщине и продемонстрированный иностранным гостям, не содержал ни одного упоминания об участии в боях советских военных советников, специалистов, о советской военной помощи.

«Забычивость» ангольцев — это первая причина, почему в их воспоминаниях отсутствуют упоминания об эффективном применении советских БМ-21 «Град» в битве при Кифангондо. Но не единственная. Дело в том, что БМ-21 «Град» изначально предназначались для использования кубинцами. У них был обученный личный состав, прибывший из Гаваны ещё 4 ноября 1975 года, а у Нгонго не имелось ни одного специалиста по РСЗО БМ-21 «Град».

Именно кубинцы принимали у советских экспертов установки БМ-21, доставленные на Ан-22 в конголезский Пуэнт-Нуар, и перевезли их 7 ноября на своём судне в порт Луанды. При доставке РСЗО под Кифангондо они приняли строгие меры безопасности, исключавшие утечку информации. При транспортировке РСЗО «не привлекались ангольские солдаты ФАПЛА, которые ненароком могли проболтаться, и слух о прибытии столь мощного оружия мог дойти до противника». На позициях в Кифангондо четыре машины БМ-21 появились неожиданно для всех ночью накануне решающего боя 10 ноября. По воспоминаниям кубинцев, по прибытии «БМ-21 скрытно заняли позиции в глубине обороны на фланге... с тем чтобы держать под прицелом большую часть дороги от Моро да Кал до Кифангондо».

Хорошо зная своеобразие отношений между ангольцами и кубинцами, которые сложились в ходе их взаимодействия в Анголе в 1970 — 1980 годах, могу предположить, что командующий кубинским контингентом под Кифангондо команданте Карлос Фернандес Гондин мог проявить осторожность и не поставить в известность ангольское командование 9-й бригады ФАПЛА о прибытии на позиции БМ-21 «Град». Кубинцы могли не координировать с руководством ФАПЛА и время нанесения удара по выдвигавшимся войскам ФНЛА и Заира, а определить его самостоятельно. Сейчас в это трудно поверить, но для российских ветеранов, тех, кто работал в Анголе с кубинцами и ангольцами и видел их отношения на практике, это предположение вполне допустимо.

Отсюда могу предположить, что залпы БМ-21 «Град» под Кифангондо стали для ангольцев неким «кубинским фактором», о котором сегодня можно и промолчать, поскольку это якобы бросает тень на официальную версию, в частности озвученную генералом Нгонго, и может умалить их собственные достижения. Между тем, по моему глубокому убеждению, битва при Кифангондо — это первая совместная победа МПЛА (ФАПЛА) и кубинских интернационалистов в Анголе над интервентами и проявление интернационализма и боевого братства в действии. Такой она и должна остаться в истории! Именно так оценил её значение в 1977 году участник сражения, видный военный и политический деятель Анголы, ставший впоследствии начальником генерального штаба ФАПЛА, Антонио душ Сантуш Франса «Ндалу». Когда лидер Кубы Фидель Кастро находился со своим первым визитом в Анголе, он первым делом захотел посетить место исторической битвы. 14 марта 1977 года Фидель совершил поездку в Кифангондо, где Антонио душ Сантуш Франса «Ндалу» подробно рассказал ему о сражении. В завершение своего рассказа он произнёс слова, которые стоит помнить всем: «Битва при Кифангондо означает для нас не только первую совместную операцию кубинцев и ангольцев против общего врага, которая закончилась быстрым разгромом противника, деморализовала его и позволила нам перебросить силы, в том числе и кубинских интернационалистов, на угрожающие участки южного фронта. Эта битва показала, что народ, верящий в своё освобождение, всегда добивается победы. В этом сражении наглядно проявился интернационализм в самой чистой его форме». А о роли советских военных советников в Анголе сейчас вспоминают лишь сами наши ветераны этой «неизвестной войны»...

Фото из архива автора

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МОНУМЕНТ МЕМОРИАЛА УЧАСТНИКАМ БИТВЫ ЗА КИФАНГОНДО

Подвиг Мюрата

Как французский лётчик-истребитель и советский лётчик-штурмовик выкрали план НАТО по нанесению ядерных ударов по СССР

Михаил БОЛТУНОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

У разведчиков, как и у людей других профессий, свой особый специфический язык: названия, наименования, термины, выражения. Характеризуя своего не очень профессионального коллегу, они могут многое выразить одной фразой. Спросят с улыбкой: «А он живого агента видел?» Вполне понятно, что вопрос этот риторический, не требующий ответа. Если он обращён, конечно, к разведчику. Но для обывателя, человека далёкого от мира разведки, он звучит по меньшей мере несколько странно. Согласитесь, не совсем понятно, как можно служить в разведке и не работать с агентами?

Ответ, право же, не такой простой, как кажется на первый взгляд. Агентурная сеть в разведке любой страны пополняется либо за счёт «доброжелателей» — людей, которые сами предлагают свои услуги, либо за счёт тех, кого привлекают к сотрудничеству. То есть вербуют. Иного не дано.

Весьма непросто из доброжелателя воспитать агента. Но тут определяющим является то, что он обратился в разведку по собственной воле. Конечно, человек, попадая в сложную ситуацию, например финансовую, готов лишь к короткому, единовременному контакту: я вам — секреты, ценную информацию, вы мне — деньги. И тут важно в короткое время оценить степень информированности «доброжелателя», возможность и необходимость дальнейшей работы с ним, суметь привлечь к сотрудничеству на постоянной основе, отработать условия этого сотрудничества и способы передачи информации.

И всё-таки, следует признать, любые сложности работы с «доброжелателем» несравнимы с трудом вербовщика, когда надо не только найти, изучить, проверить нужного для разведки человека, но и склонить его к совместной работе. Работе рискованной, напряжённой, опасной. Ведь разведку интересуют не простые проблемы, известные всем, но тайны другого государства. И разглашение этих тайн строго карается, даже в самых демократических странах.

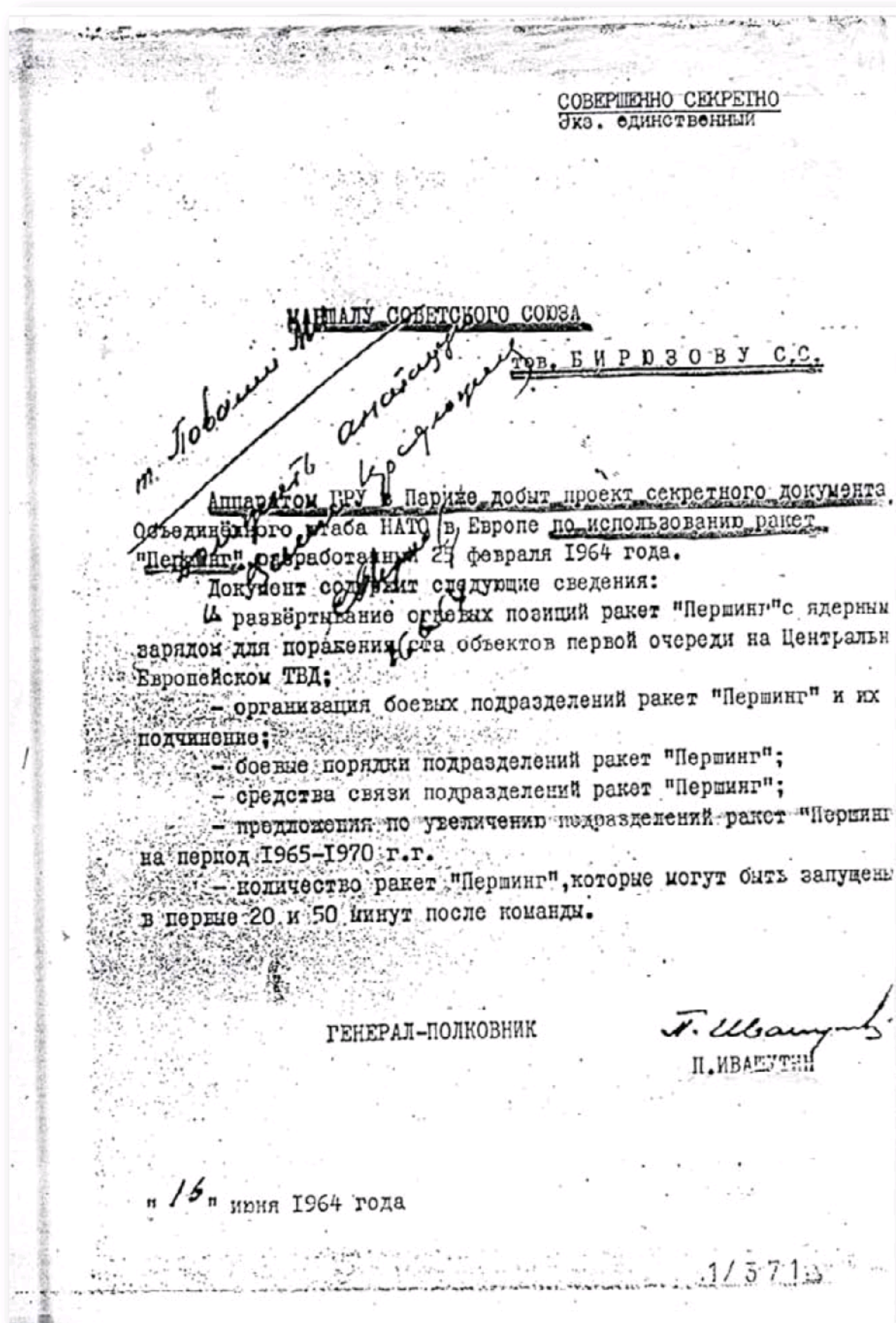
Вот в подобных, надо прямо сказать, крайне тяжёлых условиях вербовщик должен найти подходы к секретноносителю и убедить, чаще всего вопреки его воле, поставлять разведчику секреты своей страны или военного альянса (к примеру, НАТО).

«НЕ НАДО СПЕШИТЬ»

Таким секретноносителем был полковник штаба НАТО в Западной Германии, работавший под псевдонимом Мюрата. Он имел доступ к самым закрытым документам Североатлантического альянса. Сразу надо сказать, что это один из самых крупных агентов советской военной разведки за всю её вековую историю. За годы работы на советскую военную разведку он передал в Центр более 20 тысяч листов секретных документов.

В спецархиве ГРУ сохранился документ, в котором дана такая оценка деятельности Мюрата.

«В 1960-е годы, в период сложных международных отношений и большой напряжённости, значение самоотверженного труда Мюрата трудно переоценить. Его работу и ценность информации

можно сравнить только с информацией Зорге или источника Люци из группы Ш. Радо. А возможно, и выше, ибо от Мюрата в Центр поступала достоверная документальная, а не аналитическая информация. Выполняя наши задания, Мюрата сильно рисковал своей жизнью, жертвовал благополучием семьи и личным положением в привычном ему высшем буржуазном обществе, считая СССР своей второй Родиной».

В июне 1960 года на встрече с нашим оперативным офицером Мюрата передал два документа, которые числились в штабе НАТО под грифом «Космик. Секретно». Это «План Верховного главнокомандующего ВС НАТО в Европе №110/59 от 1.01.1960 г. по нанесению ядерных ударов» и «Чрезвычайный план обороны оперативно-тактического командования на Центрально-Европейском театре военных действий».

В плане Верховного главнокомандующего Объединёнными вооружёнными силами НАТО давалась краткая оценка характера будущей войны, рассматривались силы и средства ядерного нападения, их распределение на театре военных действий, приводились характеристики

целей и определялся общий порядок очередности их поражения.

Это теперь мировой общественности известны планы ядерной войны «Дропшот», №110/59 и другие разработанные Пентагоном и НАТО. Но тогда, всего через полтора десятка лет после окончания Второй мировой войны никто в Советском Союзе не мог себе представить, что в США произведут на свет документ о ядерном уничтожении нашей страны — своего недавнего союзника по антигитлеровской коалиции. По свидетельству современников, натовский план доложили Никите Хрущёву. Руководитель Советского Союза был в шоке. По существу, он держал в руках похоронную на своё Отечество.

Этот документ, несомненно, является выдающимся достижением советской военной разведки. Путь его из тайного, секретного сейфа штаба НАТО до кремлёвского кабинета тяжёлый и очень опасный. А ведь он был далеко не единственным. Только в декабре 1961 года Мюрата в обещанное время вынес из штаба и перефотографировал дома четыре секретных натовских документа: «Чрезвычайный план обороны вооружённых сил НАТО

на Центрально-Европейском театре военных действий», «Оперативный план учений НАТО «Красный рубин», «Оперативный план использования сил и средств ПВО НАТО». Ещё одним документом был «Справочник НАТО по советским ВВС». В нём приводились разведанные по самолётному парку, вооружению, радиолокационным станциям (РЛС), средствам связи. Что ж, всегда полезно знать, что известно о тебе противнику. Все эти материалы Москва определила в разряд «весьма ценных».

При работе с секретными материалами Мюрата постоянно шёл на риск, но делал очень важные записи от руки. В феврале 1962 года он вручил их нашему оперативному офицеру, обратив внимание на важность информации. В этот же период агент передал более десятка ценных документов НАТО по Берлинской проблеме, которые были доложены в Кремле.

Эта письменная информация давала чёткое и точное представление о ядерных силах двух оперативно-тактических командований — на Северо-Европейском и Центрально-Европейском театрах военных действий. В ней указывался рубеж, на глубину которого будут наноситься ядерные удары вдоль линии от Мурманска через Ленинград, Прибалтику, Минск, Гродно, Оршу, Киев и далее на юг. Приводились конкретные цели четырёх степеней важности, время готовности к нанесению ударов, количество и тип носителей ядерного оружия. Информация агента была признана Москвой как особо важная.

А Мюрата продолжал делать свою опасную, но такую нужную для Советского Союза работу — добывать совершенно секретные программные документы вооружённых сил НАТО и США. Вскоре он передал копию нового «Плана Верховного главнокомандующего ВС НАТО в Европе №200/61 по нанесению ядерных ударов» и «Наставление ВС НАТО по применению ядерного оружия» с конкретными данными о новейших ядерных боеприпасах.

Понимая исключительную ценность этой разведывательной информации для нашего государства, резидент ГРУ во Франции генерал-майор Иван Чередеев возбудил ходатайство о присвоении Мюрата звания Героя Советского Союза. Документ, подписанный им, заканчивался следующими словами: «Это единственная мера, которую Мюрата оценит в полной мере. Она придаст ему силы преодолевать и дальше сложную обстановку. Мюрата понимает, что его заслуги в настоящее время по крайней мере не ниже заслуг тех иностранцев, которые получили высокое звание Героя в период войны, помогая нашим вооружённым силам».

Все основания для присвоения Мюрата звания Героя Советского Союза были. Сегодня, анализируя работу ценнейшего агента ГРУ, который 10 лет трудился на Советский Союз, понимаешь: он всегда находился на острие нашей разведывательной деятельности. Однако на представлении парижского резидента начальник Главного разведывательного управления небезызвестный генерал Иван Серов наложил тогда резолюцию: «Не надо спешить. Серов». Мюрата наградили орденом Ленина.

АС ВЕРБОВКИ ЛЕБЕДЕВ

Как же удалось завербовать такого, я бы сказал, уникального агента и на протя-

ЛЁТЧИК-ШТУРМОВИК АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ НА ФРОНТЕ

жении 10 долгих лет успешно осуществлять разведывательную деятельность? Эту операцию по вербовке высокопоставленного офицера штаба Североатлантического альянса провёл военно-воздушный атташе Советского Союза во Франции полковник Алексей Лебедев.

Алексей Иванович был человеком неординарным. На фронте он летал на Ил-2. Их хлеб — штурмовка, уничтожение боевой техники и живой силы противника на земле. И он уничтожал: танки, автомашины с горючим и боеприпасами, дзоты, блиндажи. Штурмовики — серьёзная сила. А вот в воздухе у Ил-2 против немецких «мессеров» и «фоккеров» практически не было шансов. На стороне фашистских истребителей — скорость, маневренность. Но Лебедев думал иначе. Оказавшись один против четвёрки вражеских истребителей, пилот вступил в бой.

«Отбил шесть атак истребителей противника, — напишет потом командир эскадрильи в его представлении на орден. — Сбил один Ме-109 и один ФВ-190 и возвратился на свой аэродром без единой пробоины».

Только за один 1943 год лётчик-штурмовик Лебедев получил четыре ордена — два Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны I степени. От сержанта дорос до старшего лейтенанта, от пилота — до заместителя командира эскадрильи. В марте 1945 года командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков подпишет наградной лист. И гвардии капитан Алексей Иванович Лебедев, командир эскадрильи 71-го гвардейского штурмового авиационного Краснознамённого полка, станет Героем Советского Союза.

После войны он окончит Военно-воздушную академию и будет назначен командиром штурмового авиаполка на Дальний Восток. Казалось бы, военная карьера Алексея Ивановича складывается вполне успешно. Ему всего 30 лет, а он уже прошёл основные авиационные командные должности, за спиной бесценный фронтовой опыт, знания, обретенные в академии, авторитет лётчика-аса, Героя Советского Союза. Служи да радуйся. Но однажды Алексею Ивановичу предлагают сменить профессию: из авиации перейти в... разведку.

И в этом не было ничего удивительного. Военная разведка всегда отбирала лучших. А Лебедев, без сомнения, лучший. Правда, в авиации. А что ждало его в разведке? Опять «студенческие годы», теперь в Военно-дипломатической академии, которую он окончит в 35 лет. И будет ещё «молодым» и «зелёным» военным дипломатом. В общем, как подшучивали друзья-авиаторы, «ты, Лёша, станешь там настоящим карьеристом». Словом, хоть так прикидывал, хоть этак, всё было против. И только сам Лебедев оказался за. Он дал согласие, и жизнь его бросила в крутое пике.

Во Франции, где он служил после окончания академии, на одном из приёмов его познакомили с полковником-

самые высокие авиационные круги Франции. Среди его хороших знакомых — генералы и старшие офицеры, прошедшие войну. На вид он угловатый, этакий ярославский медведь, но дружить умел, всегда был душой компании. Мог ночь напролёт пить, «гудеть», гостей умел потчевать, угощал грибочками ярославскими. В общем, понравились они друг другу. Думаю, сыграл свою роль и тот факт, что Мюрат с антипатией относился к американцам. Не любил их за высокомерие, снобизм, желание всюду командовать».

Так состоялось их первое знакомство, переросшее потом в добрые, товарищеские отношения.

— Знаешь, Алексей! — сказал в тот вечер полковник. — Я истребитель, а сбил всего пять самолётов. А ты, штурмовик, — почти столько же. Фантастика! Ты настоящий русский ас.

Француз внимательно поглядел в глаза Лебедеву:

— Пойдём, выпьем за нашу победу!

Они хорошо выпили. Каждый рассказывал о себе. Полковник без утайки пове-

ра невозможен без широкого признания, то талант вербовщика расцветает в совершенной безвестности. О нём знают единицы. И чем меньше таковых «поклонников», тем лучше. Перефразируя известную пословицу, можно сказать: что другому таланту добро, то вербовщику — смерть.

Вербовщики — высший класс разведки, её элита. Это всегда личности. Живётся им не просто. Им часто завидуют. У них складываются не самые простые отношения с сослуживцами. Что же касается руководства, то оно, как правило, стремится максимально использовать этих самородков, ибо от них зависит эффективность работы разведывательного аппарата. Именно они несут в корзину резидентуры «золотые яйца».

...Подполковника Владимира Алексеевича Д. после окончания Военно-дипломатической академии в 1959 году направили в Лондон под «крышу» советского торгпредства, на должность старшего инженера. Времени для постепенного вхождения, встраивания в обстановку и вовсе не было. Как шутил потом Владимир Алексеевич, «я ещё только еду в Лондон, а мне уже передали агента Грэя».

Агент был ценный, он трудился в Оксфорде, в научно-исследовательском институте, занимался разработкой топлива для ракетных двигателей. Однако за несколько месяцев до приезда нашего офицера в Великобританию он потерял работу, его уволили из института.

Владимир Алексеевич провёл с ним первую встречу. Грэй старался держаться, но было видно, что он расстроен потерей работы, а значит, и оперативных возможностей. Однако агент с уверенностью сказал, что найдёт новое место, не хуже прежнего. Офицер поговорил с ним, поддержал морально, дал небольшую сумму денег. Откровенно говоря, не очень верилось в заверения Грэя. Оксфорд, он и есть Оксфорд: трудно найти равноценную замену.

Но на следующей встрече агент с радостью сообщил, что его приняли в один из филиалов нидерландской компании «Филипс». Занимаются они электроникой. После этого подполковник как сотрудник советского торгпредства наладил с Грэем вполне официальные контакты. А вскоре в торгпредстве раздался звонок, агент просил о встрече. Оказалось, что начальник отдела, в котором трудился Грэй, уехал в командировку на три дня.

— И что? — спросил Владимир Алексеевич.

— А то, что я знаю, где он прячет ключ от сейфа, в котором хранятся очень ценные секретные материалы.

— Тогда давай завтра всё сделаем, — сказал подполковник.

Агент согласился.

«Наметили место и время встречи, — будет вспоминать потом Владимир Алексеевич. — Я выехал. Он принёс мне объёмную папку с секретными документами. Договорились: сейчас поеду всё перефотографирую. Через два часа решили встретиться в другом месте».

При пересъёмке документов получилось более 600 кадров. Вернул материалы, как и обещал, и договорились с ним о завтрашнем контакте. То же самое проделали назавтра. Теперь он вручил мне документы по танковым инфракрасным прицелам. А вечером я, как на крыльях, помчался к резиденту генералу Толоконникову. Это было событие. Мы выполнили годовой план резидентуры, там оказалось 80 ценных документов!»

Такой стремительный взлёт молодого сотрудника, увы, нравился не всем. Уже очень бледно смотрелись некоторые сослуживцы на его фоне.

«Время идёт, — рассказывал Владимир Алексеевич, — а многие позиции по перечню ВПК провисают, не выполня-

ЛУЧШИЙ ВЕРБОВЩИК ФРАНЦУЗСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ (В ЦЕНТРЕ)

французом из штаба НАТО. Признаться, в тот вечер Лебедев видел перед собой старшего офицера Североатлантического блока, и уж если не врага, то далеко не друга. Ожидал услышать очередную словесную атаку по различным проблемам холодной войны. Сколько уж их выдержал советский атташе, не счесть. Но француз и не собирался пикироваться, был на удивление доброжелателен, весел. Стали вспоминать фронтовые будни, боевые эпизоды, курьёзные случаи. Оказалось, они оба — боевые лётчики, близки по возрасту, участвовали в войне с Германией, правда, воевали на разных фронтах: Лебедев — на Восточном, француз — в Северной Африке, потом в Европе, но небо у них было одно. И друзей боевых они теряли, и фашистские самолёты сбивали. Новый знакомый был лётчиком-истребителем, командиром эскадрильи, лично уничтожил пять самолётов противника. Правда, особенно этим не хвастался, считал, что сбитых пять немецких машин маловато.

Лебедеву в кругах французских лётчиков знали хорошо. Вот как о нём вспоминает полковник в отставке Иван Лазарев, в ту пору служивший инспектором ГРУ:

«Парижская резидентура была очень активной. Номер один резидентура. По крайней мере в Европе. Больше всего для нашей разведки во Франции сделал именно Лебедев. Он был замечательным вербовщиком. Алексей Иванович Лебедев — Герой, боевой лётчик! Он был вхож в

дал о службе в натовском штабе, о должности, которую занимал. Признаться, что обстановка, в которой он работает, непростая. По роду службы ему приходится находиться среди немцев и американцев. Первые он не любил за фашизм и трагедии войны. Ко вторым тоже относился с неприязнью, нередко говорил американским коллегам колкости. Француз охотно согласился на предложение встретиться ещё раз.

В последующем полковник говорил, что США готовят войну против СССР и стараются втянуть в её подготовку европейские страны. Чтобы подтвердить правоту своих слов, согласился показать некоторые материалы НАТО. Там документально зафиксировано, как Соединённые Штаты готовятся к новой войне. Только теперь к войне ядерной. Так началось их многолетнее сотрудничество.

ЦЕННЫЙ АГЕНТ ПОДПОЛКОВНИКА Д.

О таланте вербовщика сказано мало и скупое. А ведь это особый талант, который даруется не каждому смертному. Журналисты и писатели знают о нём немного, разведчики говорить не любят. Тому достаточно причин. Как всякий талант, он не только редок и самобытен, но далеко спрятан от посторонних глаз. Он качественно отличен от других. Если талант художника, музыканта, литерато-

“ ..Подполковника Владимира Алексеевича Д. после окончания Военно-дипломатической академии в 1959 году направили в Лондон под «крышу» советского торгпредства, на должность старшего инженера.

ются. А тут ещё этот молодой, резвый «маяк». И тогда некоторые коллеги решили от меня избавиться. Но как? Написать письмо в Центр, мол, офицер Д. обиды выражает, против страны, против советской власти агитирует, недоволен, что у него нет квартиры. Что тут скажешь? Квартиры у меня действительно не было. А что касается страны, так я за неё на фронте кровь проливал. Только кто бы меня стал слушать, накатай они такое письмо. Спас меня старший товарищ, полковник Василий Егоров. Когда недовольные к нему обратились, он сказал: «Посмотрите, как он работает. Живёт работой. Нельзя шельмовать человека. Если напишите грязное письмо, сами за него ответите».

Для меня это был хороший урок. Я понял, что в разведке не все прекрасные рыцари без страха и упрёка...

«РАЗБЕЙ ЕМУ МАШИНУ»

Профессия вербовщика стратегической агентурной разведки вобрала в себя лучшие черты многих профессий. Он, как хороший актёр, должен играть свою, для каждой встречи заданную роль. Да так, чтобы ему поверили не только в момент беседы, но и позже, при последующем, «холодном» анализе. Дело в том, что актёр в театре создаёт образ персонажа, в который добровольно стремятся поверить много зрителей. Разведчик-вербовщик играет роль для одного зрителя. Это значительно труднее. Нет эмоционального воздействия зрителей, как в театре, нет плеча коллег. И тут нужно хорошо играть, талантливо, чтобы создать, как модно говорить теперь, виртуальную реальность.

Именно такую реальность пришлось создавать помощнику военного атташе СССР в Египте майору Владимиру Наону. Для молодого разведчика это было очень непросто. К счастью, ему повезло на учителей. В ту пору резидентом советской военной разведки в Каире был генерал Николай Леонидович Румянцев. Личность неординарная, профессионал самой высокой пробы с огромным опытом работы за рубежом.

Как вспоминал сам Наон, «у Румянцева была потрясающая работоспособность. Мог работать без отдыха сутками. А ещё он всегда мыслил нестандартно».

Да, уж генерал Румянцев был классным педагогом. Однажды, напрочь выбившись из сил, использовав, на свой взгляд, все возможные варианты подхода к агенту, Владимир Наон сдался. Право слово, не в его правилах сдаваться, но тут, как казалось разведчику, был случай особый. А познакомиться помощник военного атташе желал ни много ни мало с египетским генералом. Станет ли этот генерал впоследствии источником, время покажет, а пока задача одна — «подойти к нему поближе», как говорят в разведке.

В общем, пробовал Владимир и так и этак — не выходит. Пришло время — доложил шефу всё как на духу. Тот выслушал да как гаркнет:

— Ах, мать вашу, никто думать не хочет.

— Да думал я, всё время думал, — пытался оправдаться Наон.

— Плохо думал. Разбей ему машину. И дело с концом.

Видя, как опешил майор, Румянцев улыбнулся:

— Заодно и повод будет познакомиться. Только сыграй эту роль, чтобы комар носа не подточил.

Разбить машину... Для молодого советского разведчика, чьё детство пришлось на войну, а юность — на голодные послевоенные годы, проделать подобное — из разряда фантастики. Ему и в голову такое прийти не могло. Но шеф дал добро. И через два дня старенькая посольская «Волга», неуклюже пытаясь припарковаться у небольшой лавчонки рядом с домом генерала, разбила фару у «Мерседеса». Из «Волги» вышли двое, из магазина выскочил испуганный хозяин, все ахали, сожалели.

Один из двоих спросил хозяина лавки:

— Кто хозяин этой машины?

— О, это большой человек! — закатил глаза к небу араб.

— Он в форме?

— Да, но форму надевает редко. По праздникам, — и тут же посоветовал: — Вы уезжайте скорее, он сегодня был не в духе.

Наон не согласился:

— Как же уехать, ведь мы разбили машину. Где он живёт?

Хозяин лавки назвал подъезд, квартиру. Владимир Ованесович поднимается, звонит. Дверь открывает заспанный недовольный генерал. Происходит объяснение не из приятных, мол, я работник советского посольства, случайно разбил фару у вашей машины. Но обязуюсь восстановить, а пока она будет в ремонте, поработаю у вас водителем.

Назавтра Наон отвёз генерала на службу, доставил обратно, на следующий день проделал то же. В дороге разговорились. Вечером, когда возвращались к дому генерала, отремонтированный сияющий «Мерседес» уже стоял на стоянке. Так они познакомились. Судя по всему, Владимир Ованесович свою роль сыграл неплохо. В дальнейшем генерал стал нашим информатором.

“ Как вспоминал сам Наон, «у Румянцева была потрясающая работоспособность. Мог работать без отдыха сутками. А ещё он всегда мыслил нестандартно».

Однако только актёрского таланта вербовщику маловато. Ему, например, как психоаналитику, нужно безошибочно определять уязвимость изучаемого человека, его сильные и слабые стороны, желания, скрывающиеся за словесной шелухой. От этого во многом зависит правильность последующих действий. Эти данные от первого контакта, от

ПОМОЩНИК ВОЕННОГО АТТАШЕ СССР В ЕГИПТЕ ВЛАДИМИР НАОН (В ЦЕНТРЕ)

встречи к встрече уточняются и корректируются. Важно не допустить ошибку, не ущемить личные и национальные чувства иностранца.

Один из разведчиков-фронтовиков рассказал мне интересную историю. Она как раз касается национальных особенностей и традиций. Точнее, незнания этих традиций нашими разведчиками. «Это была крайне неудачная вербовка. Помнится, в поле зрения нашей резидентуры в одной из европейских стран попал бизнесмен-араб. В качестве компрометирующего материала мы хотели использовать фотографии, сделанные скрытой камерой. На них были запечатлены некоторые сексуальные похождения бизнесмена. Когда мы завели с ним разговор на эту тему, араб с ухмылкой ответил: «Дайте мне эти снимки, и я покажу их дома. Это возвысит меня, поднимет авторитет как представителя мужского пола».

Однако в резидентуре даже и не помышляли о подходах к брату Авиатора. Они прекрасно знали, что тот является полной противоположностью брату, который симпатизировал Советскому Союзу. Агент неоднократно говорил о нём как о ярком стороннике реакционного прошахского режима. Разумеется, об этом докладывали и в Центр.

«Неожиданно, — вспоминал генерал Долин, — в плане на 1956 год Центр поставил задачу: с помощью Авиатора привлечь к сотрудничеству брата. Агент был против, долго сопротивлялся, говорил, что боится раскрыться перед братом. Но Центр жёстко требовал от нас — мы давили на Авиатора.

Наконец, в апреле агент доложил, что разговор все-таки состоялся, но положительных результатов не принёс. Наоборот, как мы узнали позже, брат тут же сдал

ПРОВАЛ ИРАНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

«Рискованнее всех труд вербовщика, — признавался советский разведчик-нелегал Дмитрий Быстролётов, — сказал не то, повернулся не так — расплата немедленная».

А ведь не всё зависит от самого вербовщика. Генерал-лейтенант Григорий Долин, в середине 1950-х годов — старший помощник военного атташе в Иране, прочувствовал это, что называется, на собственной шкуре и получил серьёзный урок на всю жизнь.

...Весной 1954 года к сотрудничеству с советской военной разведкой был привлечён старший офицер иранской ВВС, получивший псевдоним Авиатор. Он имел доступ к секретным документам, которые после фотографирования в тот же день возвращались агенту, исправно передавал их в резидентуру. Завербовал Авиатора Долин, но по приказу руководителя разведаппарата он был передан на связь его коллеге подполковнику Кузнецову. Отношения оперативного офицера и агента развивались вполне успешно.

Через год работы резидентура располагала достаточно полной информацией по Авиатору. Знали, в частности, что его младший брат служит в иранской военной контрразведке. Что и говорить, должность весьма привлекательная для раз-

Авиатора, привёз его в дом губернатора, поставил на колени, принудил молить о пощаде.

Контрразведка подготовила спецоперацию по захвату Кузнецова при передаче материалов. Офицер был арестован, всю ночь его допрашивали, склоняли к невозвращению на Родину. Он вёл себя мужественно, решительно отвергал все без исключения предъявленные обвинения. После выхода из заточения Кузнецову было предложено срочно покинуть страну.

Этот провал — ошибка, как резидентуры, так и Центра. Руководитель разведаппарата не смог убедить Москву в недопустимости подобных действий. Центр, в свою очередь, не просчитал всю опасность вербовки. После провала встал вопрос и о моём пребывании в стране, ведь я вербовал Авиатора. Пришлось пережить немало тревожных минут. К счастью, всё обошлось».

...Крупный деятель политического сыска, начальника Санкт-Петербургского охранного отделения (1905 — 1909) генерал Александр Герасимов как-то сказал: «Венец нашей работы — это вербовка бывшего противника, заключение договора о сотрудничестве, дружество до гробовой доски». Мне кажется, замечательные слова, особенно насчёт сотрудничества и дружества. А теперь, судите сами, можно ли служить в разведке и не работать с агентами.

Фото из архива автора

СТАРШИЙ ПОМОЩНИК ВОЕННОГО АТТАШЕ В ИРАНЕ ГРИГОРИЙ ДОЛИН (ВТОРОЙ СЛЕВА)

«Опричники» Гувера

Какие провокации осуществляли спецслужбы США и других стран против советских военных разведчиков

Михаил БОЛТУНОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Старший помощник военно-морского атташе при Посольстве СССР в США Игорь Амосов добрых полдня мотался по городу по служебным делам. И всё, казалось бы, обстояло нормально, да вот незадача — исчезла куда-то «наружка». Обычно его сопровождали машины фбээровцев. Он знал их наперечёт. Марки, цвет автомобилей, номера, даже их позывные в эфире: Грин, Блю, Блек. А тут никого.

Обычно, когда он парковался и выходил из машины, его сопровождали несколько согладатаев. Впрочем, американские контрразведчики страсть как любили показать силу. Они встречали Амосова у дома утром, демонстративно приветствуя его. Провожали в прогулках по городу, нередко «брали в коробочку», когда один из них шёл впереди, второй — сзади, двое — по бокам.

А тут вдруг ни машин, ни людей. Даже как-то скучно. «В отпуск их, что ли, одновременно отправили?» — пытался пошутить он про себя. «Да вам не угодишь, Игорь Александрович. Есть «наружка» — плохо, нет «наружки» — тоже хреново».

Амосов глянул на часы. Пора было рулить в посольство. Там ждал его резидент. Он должен был сообщить, удалось ли решить вопрос с госпитализацией жены в одну из американских клиник. Дело в том, что недавно посольский врач, который наблюдал за его беременной супругой, забеспокоился. Беременность протекала тяжело. А теперь, как выразился доктор, вызывало опасение «положение ребёнка в утробе матери». В общем, жена нуждалась в медицинской помощи в условиях стационара. Руководитель разведаппарата обещал переговорить с послом и решить эту проблему. Своё слово он сдержал. Как только Амосов переступил порог его кабинета, сообщил благу вест.

— А теперь к делу, — сказал он, — докладывай!

Старший помощник военно-морского атташе рассказал о своих утренних поездках и заодно пошутил, мол, куда-то пропала «наружка». Однако резидент, и сам изрядный шутник, на этот раз подчинённого не поддержал.

— Ты на маршруте случаем не лопухнулся? Может, не заметил слежку? — вполне серьёзно спросил резидент.

— Да нет, проверялся постоянно. Машины как корова языком слизала, и пеших «топтунов» нет.

Резидент отпустил Амосова. Казалось бы, ничего особенного не случилось. Фбээровцы временно сняли слежку. Такое бывает. Но тогда почему сообщение Игоря Александровича встревожило его. Вроде и нет никаких оснований волноваться, а на душе как-то тревожно. Может, потому, что мессяц назад к Амосову уже был подход контрразведчиков. Они предложили ему остаться в США, стать невозвращенцем, обещали большое денежное вознаграждение, материальные блага. Офицер наотрез отказался. После этого фбээровцы никак себя не проявляли.

Прошло несколько дней. К сожалению, интуиция и на этот раз не обманула опытного разведчика. «Опричники» Гувера выследили старшего помощника военно-морского атташе и перешли к прямым угрозам. Агент спецслужб заявил офицеру: «Кэптен Амосов, у вас два варианта — если останетесь в США, будете иметь счастливую семью: жену и здорового ребёнка, если откажетесь — потеряете и жену, и ребёнка».

ПОМОЩНИК ВОЕННО-ВОЗДУШНОГО АТТАШЕ ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ СССР В США ИВАН ЛЕЗЖОВ ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ ПО ШТАТУ НЕВАДА. США. 1959

Но запугать разведчика не удалось. «Не тратьте время, господа, ваши надежды никогда не сбудутся!» — ответил Амосов.

В тот же день из резидентуры в Центр ушла шифрограмма: «Спецоперация американской контрразведки против капитана 2 ранга Амосова характеризуется прежде всего беспрецедентной наглостью и дерзостью. Для её проведения были привлечены большие силы КРО. В спецоперации против Амосова с 13.00 до 20.00 часов участвовали 9 машин: LUCKY («Лаки»), CAMEL («Кэмел»), KODAK («Кодак»), BENRIS («Бенрис»), KING («Кинг»), NUT («Нат»), CHARLY («Чарли»), MUTT («Матт»), JOCKER («Джокер»), а также три стационарных поста PAT («Пэт»), LOYI («Луи») и MICKY («Микки»). Общее руководство операцией осуществлялось через радиостанцию стационарного поста PAT («Пэт») на 16-й улице. На успех этой провокации американцы возлагали большие надежды. Расчёт их опирался на сложную ситуацию в семье Амосова. После провала спецоперации, по нашим оперативным данным, контрразведка США готовится к похищению Амосова и его жены».

Москва приказала резиденту действовать решительно и быстро. Старший помощник военно-морского атташе и его жена сменили место жительства. Из своей квартиры их перевезли и поселили в доме, где находились семьи сотрудников диппредставительства. Сам дом располагался вблизи служебного здания аппаратов военных атташе. При выходе в город Амосова всегда сопровождали два-три работника резидентуры. Его жена находилась под постоянным наблюдением медперсонала посольства.

Комплекс мероприятий, проведённый нашей вашингтонской резидентурой, дал возможность сорвать замысел американских спецслужб, а Амосову — благополучно возвратиться на Родину. Его жену оставили в США, и вскоре она родила дочь в одном из американских госпиталей. Разумеется, супруга Амосова постоянно находилась под наблюдением сотрудников советской резидентуры. И вскоре радостный отец встречал

жену и дочь в Москве. Всё закончилось благополучно. Но так было не всегда.

«СИЛЬНО НЕ БИЛИ — УДАРИЛИ РАЗОК ДЛЯ ОСТРАСТКИ»

Разведка, как известно, дело тайное. Однако и она живёт по писаным и неписаным законам. И если тебя действительно взяли на горячем — на встрече с агентом, при передаче секретных материалов, образцов вооружения, — если контрразведка обладает компрометирующими документами, тут уж не обессудь. Стало быть, ты проиграл или стал жертвой предательства.

«У меня был провал в 1982 году в Париже, — рассказывает полковник Юрий Александрович С., — я был ещё молодым разведчиком. Первая командировка. Разрабатывал источника информации: в прошлом — морской офицер, теперь, уволившись в запас, работал в одном из военных журналов. Он имел доступ к секретным материалам, которые нас интересовали. Проблема была в копировании этих документов. Таскал их в копировальную комнату, прикрывая журналами. Я предупреждал его, что это опасно. Но он по своей природе был человеком самоуверенным и не слушал советов. С уверенностью говорил, что за ним нет наблюдения. И просчитался. На этом его и взяли. На очередную встречу он уже шёл под наблюдением контрразведки».

У меня в тот день было недоброе предчувствие. Не хотелось идти на встречу, что-то тяготило, беспокоило. А причин отказать нет. Наружного наблюдения тоже нет. Как откажешься? Струсил? Проверялся тщательно. Больше двух часов пробыл в ведомстве гражданской авиации, четыре часа ездил по городу и только потом вышел на встречу. Он передал материалы, и на выходе из ресторана меня взяли.

В контрразведке сильно не били — ударили разок для острастки, допрашивали пять часов, склоняли к сотрудничеству. С сочувствием говорили, что понимают, как

трудно на это решиться. Не торопили, дали телефон для связи. Рассчитывали, что я не доложу руководству. Доложить — это значит уехать домой. И я уехал. Вдогонку они объявили меня персоной нон грата».

Что ж, те, кто работает под дипломатическим прикрытием, совсем не желают получить нон грата и срочно покинуть страну пребывания, испортив себе карьеру. Тем более никто не хочет оказаться в тюрьме. Поэтому игра всегда идёт по-крупному, с полной самоотдачей и напряжением сил. Ибо победителем станет не тот, кто лучше стреляет и быстрее бежит (хотя и это может пригодиться), но тот, кто умнее, опытнее, талантливее. Ну и удача не помешает — верная сестра разведчика.

Однако, чтобы переиграть противника, нужно длительное время, привлечение больших технических средств и людских ресурсов. Так вашингтонской резидентурой советской военной разведки было выявлено, что в 1954 году, когда и проводилась спецоперация против Игоря Амосова, наблюдение за сотрудниками аппаратов военного, военно-морского и военно-воздушных атташе вели 12 бригад контрразведчиков. В автомобилях при ведении слежки кроме шофёра находились от одного до трёх агентов, которые в зависимости от обстановки покидали машину и следовали за нашим сотрудником в пешем порядке. Прибавьте сюда ещё стационарные посты наружного наблюдения в местах проживания советских сотрудников диппредставительств. За их квартирами шла неустанная слежка. Так, пост, который следил за квартирой Амосова, назывался «Мерфи». Он держал связь с постом «Мики» и автомашинами, которые обеспечивали наблюдение.

ЖГУЧЕЕ ЖЕЛАНИЕ НАСОЛИТЬ...

Однако наружное наблюдение — это только одна сторона (хотя и весьма энергозатратная) деятельности контрразведки. А если проходит месяц, другой, третий, а результаты на нуле, возникает жгучее

желание хоть как-то насолить противнику. И если не получалось это сделать по-крупному, то шли в ход мелкие пакости: засыпали сахарный песок в бензобаки автомобилей советских представителей, в магазинах подбрасывали в товарные корзины различные вещи, чтобы потом организовать шумное разбирательство и обвинить в воровстве. Устраивали необоснованные задержания граждан СССР при покупке общедоступных товаров: книг, справочной литературы, топокарт, аэрофотоснимков.

Попался «под раздачу» фэбээровцев и сотрудник аппарата военно-морского атташе в Вашингтоне капитан-лейтенант Виктор Любимов. Однажды ему пришлось сыграть роль двойника военно-морского атташе и отвлечь на себя внимание «топтунов». У атташе была встреча с агентом, и контрразведка не должна была о ней знать. Любимов же и ростом, и комплекцией вполне походил на своего шефа. Словом, он сел в машину атташе и выехал в город. Покрутился, помотал контрразведку по улицам, запарковал автомобиль и пошёл по магазинам. Сделал кое-какие покупки.

Каково же было удивление «наружки», когда один из них увидел лицо Виктора. Он с удивлением воскликнул: «Это же Лео!» Под таким псевдонимом Любимов числился в картотеке ФБР. И вся бригада по очереди подходила, нахально разглядывая. Они явно были недовольны и Лео, и сыгранной им ролью. И, конечно же, вскоре мелко и гнусно отомстили. После одного из приёмов у польского военного атташе Любимов не нашёл своего автомобиля на парковке. О пропаже будет заявлено в полицию, и та вскоре отыщет «Форд». Его загнали в один из ближайших дворов, разбили радиатор и бросили.

Напомним, что всё это происходило в столице США. Значительно хуже дело обстояло, когда сотрудники аппаратов атташе выезжали в поездки по штатам. Это была обычная практика. Разумеется, всё делалось с разрешения Госдепартамента и Пентагона, и тем не менее американские «контрики» занимались постоянными провокациями. Вот как об этих провокациях вспоминал помощник военно-воздушного атташе при Посольстве СССР в США Герой Советского Союза подполковник Иван Лезжов.

Они совершали поездку и остановились на ночёвку в придорожном мотеле в 40 километрах восточнее города Тусона. Автомашину поставили к стене коттеджа. Утром следующего дня офицеры обнаружили, что они не могут погрузить вещи в багажник своего автомобиля. Вплотную к бамперу их машины стоял автомобиль шерифа местной полиции. А на переднем сиденье находился напыщенный полицейский чиновник. Невдалеке расположились машины контрразведчиков. Не было сомнений, что именно они руководили действиями полицейских. Лезжов попросил шерифа отъехать. На что получил ответ:

— Никуда вы дальше не поедете.

— По какой причине? Мы русские дипломаты. Имеем разрешение Пентагона на поездку.

— Никуда вы не поедете.

— Вы что, арестовали нас?

В ответ шериф только злобно засопел. Пришлось возвращаться в мотель и звонить в посольство, объяснять ситуацию. А дальше ждать. На ожидание ушло четыре часа. Потом позвонил военный атташе генерал Родионов и сообщил, что заявлен протест в Госдепартамент. Вскоре после его звонка у коттеджа началось движение, уехали агенты ФБР, потом убрался и шериф. Что сказать? Таки насолить советским. Мелковато, правда... Но уж как смогли.

«До июля 1959 года с напарником Иваном Ивановым мы произвели несколько поездок в штаты США, — пишет позже Лезжов. — По прибытии самолётом в один из аэропортов штата Небраска мы совершили также поездку по штатам Вайоминг, Айдахо, Невада, Юта, Колорадо. Посетили разные города, собирая информационный материал в торговых палатах и осматривая внешне интересные нас объекты. Поездка проходила в условиях хулиганского (иногое слово не подберёшь) поведения агентов ФБР —

СОТРУДНИК АППАРАТА ВОЕННО-МОРСКОГО АТТАШЕ, КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТ ВИКТОР ЛЮБИМОВ (ТРЕТИЙ СПРАВА) С СУПРУГОЙ ВАЛЕНТИНОЙ (ЧЕТВЕРТАЯ СПРАВА). ВАШИНГТОН. 1954

нашего «хвоста». Были с их стороны попытки организовать провокации во время посещения городов, а при нашем движении по маршрутам — сбросить нас с проезжей части дорог в кювет. Они проводили также опасные манёвры: выдвигали одну машину вперёд перед нами, затем резко тормозили, чтобы мы врезались в их автомобиль. В течение 10 дней поездка походила на дотошное испытание наших нервов агентами ФБР».

ЦЕНА СОГЛАСИЯ ГОСДЕПАРТАМЕНТА

А вот с помощником военного атташе подполковником Александром Никифоровым американцы поступили иначе. Он также собирался в поездку по стране, но в этот момент его признали персоной нон грата. В таком случае подполковник должен был срочно покинуть страну. Однако ему не только не объявили о решении американских властей, но и разрешили поездку. Таким образом, устро-

или изощрённую ловушку помощнику военного атташе. Ведь теперь советский офицер был лишён дипломатического статуса. Его могли ненароком побить, исказить, оскорбить.

Уж очень утомляла контрразведку активность подполковника Никифорова: то он наладит отношения с генералом из оперативного управления Пентагона, то познакомится с личным врачом Президента США. Ничего не подозревавший помощник военного атташе добирался из Аризоны в Неваду, Калифорнию, потом в Колорадо. Конечно же, эта поездка — не прогулка по Америке, а разведздание. И, несмотря на плотную опеку контрразведки, Никифоров его выполнил. Когда возвратился — обрадовали: он объявлен персоной нон грата. Ну что ж, собрал чемоданы и отправился на Родину. Правда, горький осадок остался.

Поездки наших офицеров по стране сопровождалась не только изощрёнными провокациями со стороны спецслужб, но и зачастую невероятной шумихой в средствах массовой информации, которые

вдруг начинали оголтелую кампанию шпиономании. Как правило, это происходило с подачи политических и государственных деятелей. Они давали отмашку — газеты, журналы, радио бросались в бой, смаковали подробности, врал, придумывали то, чего и вовсе не существовало. Правда никого не интересовала.

В апреле 1956 года старший помощник военно-морского атташе при Посольстве СССР в США подполковник Сергей Фёдоров и сотрудник аппарата капитан-лейтенант Иван Сакулькин, получив разрешение Пентагона, вылетели в город Сиэтл. Там они арендовали машину и на протяжении трёх недель совершали поездки по штатам Орегон и Вашингтон. Делали они это без каких-либо нарушений или отклонений от заранее запланированного маршрута. Однако местная пресса подняла шумиху, и по возвращении в Сиэтл в аэропорту советских офицеров встретила толпа журналистов, требуя ответов по поводу их якобы шпионской деятельности.

Прибыв в столицу, военные дипломаты с удивлением узнали, что сенатор от штата Вашингтон Магнусон выступил с гневной речью в Конгрессе. «В моём штате в течение последней недели произошёл ряд событий, которые наглядно продемонстрировали вопиющие недостатки в нашей системе безопасности, — возмущался он. — Если бы не бдительность репортёра ежедневной газеты «Пост Интеллидженсер» в Сиэтле, нация не узнала бы об этих недостатках. Двое военных атташе, не обыкновенные русские гости, а военные атташе из посольства СССР, лица, интересующиеся вопросами обороны, появились в северо-западных районах Тихоокеанского побережья США, имея при себе разрешение Госдепартамента. Один из русских был военным атташе, а другой — военно-морским атташе. Оба они из посольства СССР в Вашингтоне. Их имена — подполковник Фёдоров С.С. и капитан-лейтенант Сакулькин И.П. Повторяю. Эта поездка была осуществлена не только в соответствии с их планом, но и с разрешения Госдепартамента. В ходе поездки русские посетили районы расположения наиболее важных военных объектов США. В США есть ряд закрытых районов, которые не имеют права посещать даже коренные американцы. Существуют также районы, закрытые для иностранцев. Я не знаю в таком случае, какие районы закрыты для русских военных атташе, если они получили согласие Госдепартамента на подобную поездку».

Поездка действительно была обширная, и маршрут пролегал через города с военными производствами, оборонными объектами, заводами, но, повторяем, она осуществлялась вполне законно, с разрешения американских властей. И вдруг, как по заказу, появились возмущённые граждане, шум в прессе, выступление в Конгрессе.

«По оценке сотрудников нашего посольства, — признался спустя много лет контр-адмирал Иван Сакулькин, — поднятая в Конгрессе шумиха должна была закончиться прекращением нашей военно-дипломатической карьеры. Однако этого не случилось. Надо отдать должное, Госдепартамент США всю полноту ответственности взял на себя. Вместе с тем он закрыл на длительное время штат Вашингтон для посещения советскими представителями».

РАЗВЕДЧИК НА ДЫБЕ

Впрочем, всё перечисленное ранее можно считать детскими шалостями на фоне тех событий, которые произошли с нашим военным разведчиком Владимиром Глуховым. Он работал под прикрытием должности генерального представителя компании «Аэрофлот» в Нидерландах. Так вот, голландские спецслужбы, не имея доказательств его разведдеятельности, решили попросту выбить их из советского офицера. 12 апреля 1967 года, в День космонавтики, они по-бандитски напали на Владимира Алексеевича у его дома в Амстердаме, без предъявления обвинений, не представившись, без предъявления каких-либо документов.

СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК ВЛАДИМИР ГЛУХОВ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ ТЮРЬМЫ С ЖЕНОЙ И СЫНОМ ПОКИДАЕТ ГОЛЛАНДИЮ. ФОТО, ОПУБЛИКОВАННОЕ В ОДНОЙ ИЗ ГОЛЛАНДСКИХ ГАЗЕТ. 1967

Сделано это было с особым цинизмом, чтобы подавить, сломить волю разведчика. Дело в том, что этот день стал не только великим событием в истории нашей страны и всего мира — он был большим праздником для полковника Глухова. И не только потому, что Владимир Алексеевич всю войну прошёл в авиационных частях — он внёс свой личный вклад в великую победу нашей науки и техники. Так было сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Красной Звезды по итогам первого полёта человека в космос в 1961 году. Правда, на указе стоял гриф «секретно», и потому о нём не знали не только голландцы, но даже его коллеги, сотрудники представительства «Аэрофлота». Но вот о том, что он фронтовик и имеет прямое отношение к авиации, голландцы, безусловно, знали.

В нападении участвовали 11 человек. Глухов не сдался. Первый ответный удар он нанёс каблуком ботинка тому, кто обхватил его сзади за туловище и руки. Хороший получился удар. Башмак был новый, качественный, голландский, каблук крепкий, острый, как нож. Он вошёл в плоть ноги нападавшего, разрубив её до кости. Словом, приложился от души. Голландец взвыл, как дикий зверь, и отпустил захват. Однако освободиться полковнику не дали — навалился один, другой, третий. Глухов ударом в челюсть свалил одного. Хрустнула коленная чашечка у другого, и тот с перекошенной от боли физиономией отполз на обочину дороги. Но Владимира Алексеевича уже избивали со всех сторон. Силы явно были не равны. Его затолкнули в машину. Автомобиль рванул с места.

Полковника привезли в тюрьму, вытащили из машины, и, как в фильмах о фашистах, применили вполне гестаповский приём: подвесили за руки на высокую скобу в стене, раздели, сняли брюки. И только потом предъявили ордер на задержание, в котором указывалось, что он, Глухов Владимир Алексеевич, обвиняется в шпионаже против Голландии. Потом сняли с дыбы и отвели в камеру-одиночку.

...Семь дней провёл в тюрьме Владимир Глухов. Его постоянно допрашивали несколько следователей, запугивали, заставляли признаться в шпионской деятельности. Наш разведчик объявил голодовку. Доказательств не было. Выбить их тоже не удалось. Но и свободу давать не хотелось. Это же удар по имиджу спецслужбы. И тогда следователи пустились во все тяжкие. Они заявили Владимиру Алексеевичу, что сопротивление бесполезно, он изблещён, как советский шпион. Оказывается, изблещила его жена.

— Она и ваш ребёнок находятся в наших руках, — нагло солгал один из агентов. Он пристально смотрел в лицо Глухова. Ждал реакции, испуга. Однако ни один мускул не дрогнул на лице Владимира Алексеевича.

— Вы взяли в заложники мою жену и ребёнка? Верю. Меня изблещили и затолкнули в машину, не предъявив никаких документов, а уж с бедной женщиной и маленьким ребёнком точно справились. Но вот то, что она сказала, что я якобы шпион, — грязная ложь.

Не сумев доказать вину полковника Глухова, голландские спецслужбы были вынуждены отпустить его на свободу.

Впрочем, и арест, даже такой дикий и бандитский, который произвели голландские спецслужбы, подвешивание на средневековую дыбу, допросы, шантаж, попытка выбить показания — это ещё не самое страшное, что может устроить контрразведка.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СТРЕЛЯЛ В УПОР

В 1969 году в Ливане пятью выстрелами в упор был расстрелян резидент советской

ВОЕННЫЙ АТТАШЕ СССР В ЛИВАНЕ ПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ (СПРАВА). В СВОЁ ВРЕМЯ, КОГДА ОН СЛУЖИЛ ПОМОЩНИКОМ ВОЕННОГО АТТАШЕ, ЕГО ОБЪЯВИЛИ ПЕРСОНОЙ НОН ГРАТА И ВЫСЛАЛИ ИЗ США

военной разведки полковник Александр Хомяков. Советскому офицеру, несмотря на чудовищные ранения, удалось выжить. Ливанские врачи сделали всё возможное и невозможное, чтобы спасти советского полковника, а через сутки специальным рейсом он был доставлен в Москву. В Центре провели детальный анализ произошедшего и сделали заключение, что покушавшиеся на жизнь советского резидента ливанские боевики были лишь оружием в руках наших заокеанских противников.

...«Сегодня в Исламабаде совершено покушение на исполняющего обязанности военного атташе при Посольстве СССР в Пакистане полковника Горенькова Ф.И. В результате полученных огнестрельных ранений он скончался...» — такое сообщение появилось на ленте ТАСС 16 сентября 1986 года. Фёдор Гореньков был убит несколькими выстрелами из пистолета на одной из главных улиц пакистанской столицы. Вместе с женой и дочерью он ехал на обед из офиса военного атташе домой. На одном из участков дороги, где вдоль обочины был плотный кустарник и деревья, на проезжую часть вышел человек. В руках он держал лист бумаги, раз-

махивая им перед собой. Полковник Гореньков затормозил и остановился в нескольких метрах от незнакомца. Тот подошёл к машине и бросил лист бумаги в приоткрытое окно автомобиля. Она упала на пол. Фёдор Иванович наклонился, чтобы поднять её, и тут раздались выстрелы. Неизвестный стрелял в упор. Промаяхнуться было невозможно. Жена Антонина, которая сидела рядом с мужем, успела только крикнуть дочери: «Ложись!» Нога полковника соскользнула с педали тормоза, и машина покатила вперёд, под уклон. Убийца побежал в сторону зарослей кустарника.

Убийство потрясло не только советское дипломатическое представительство в Исламабаде, но и всю нашу страну. Пакистанские следственные органы спешно нашли убийцу. По версии следствия, им оказался «городской сумасшедший», психически больной человек, некто Ахмад Фазал. Корреспондент ТАСС Евгений Тюриков, который в этот период работал в Пакистане, хорошо знал полковника Горенькова, провёл своё расследование. Он в корне не согласен с пакистанскими следователями. Во-первых, на

очной ставке убийцу не опознала жена полковника, единственная, кто видела убийцу. Во-вторых, у советских дипломатов, общавшихся с Фазалом, появилось большое сомнение, что он вообще мог самостоятельно организовать и уж тем более спланировать и осуществить такую сложную операцию. В-третьих, советский эксперт-криминалист, прибывший из Москвы и изучивший автомобиль атташе, сделал, как пишет корреспондент ТАСС, «ошеломляющий вывод: стрельба велась не только по Фёдору Ивановичу, но и по его жене и дочери, причём с двух разных точек и из двух различных систем оружия». Однако эти экспертные оценки не были приняты пакистанской стороной.

Какие же выводы по результатам своего расследования делает Евгений Тюриков, кто это мог сделать. «Заинтересованные в тот период в нанесении любого вида ущерба Советскому Союзу — афганские моджахеды и США со своими спецслужбами. Обе располагали возможностями по проведению спецопераций на пакистанской территории», — считает он.

Героем его второй версии является военная разведка Пакистана. Фёдор Иванович вёл активный поиск информации о восстании советских военнопленных 26 апреля 1985 года в учебном лагере Бадабер в 10 км от пакистанского Пешавара. (Кстати, недавно по Первому каналу нашего телевидения был показан фильм, посвящённый тем событиям.) Но пакистанская сторона полностью отрицала не только факт восстания, но и саму возможность пребывания на своей территории советских военнопленных. В такой ситуации полковник Гореньков, приблизившийся к разгадке тайны Бадабера, вполне мог стать целью для профессиональных убийц.

Такова горькая правда о работе наших военных разведчиков за рубежом. В советские времена, что уж греха таить, когда выезд за границу был крайне затруднён, многие завидовали этим людям. На первый взгляд, и вправду, весьма привлекательная идея — съездить в Париж, Лондон, пусть даже в Анкару. Только вот работа разведчика — это не развлекательная турпоездка. Это был каждодневный, тяжёлый, опасный, наполненный изматывающим нервным напряжением труд.

Фото из архива автора

КОНТР-АДМИРАЛ ИВАН САКУЛЬКИН (СЛЕВА) С ПОСЛОМ СССР В США АНАТОЛИЕМ ДОБРЫНИНЫМ (В ЦЕНТРЕ)

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№6(147) от 19.06.2018
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 18954-7744 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
e-mail: topsekretno@gmail.com
Тел./факс редакции: +7 (495) 544 30 37

Фонд Артема БОРОВИКА: www.fondartem.ru
Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями не ведёт. Перепечатка только с разрешения «Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламы. Во всех случаях типограф-

ского брака обращаться в типографию ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел. (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2018

Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ №62728

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУЖДЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2018 РІК

КОМПЛЕКТ:
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА» +
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49542
1 міс. - 19,60 грн.
3 міс. - 58,80 грн.
6 міс. - 117,60 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА»

ИНДЕКС 35257
1 міс. - 11,82 грн.
3 міс. - 35,46 грн.
6 міс. - 70,92 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49056
1 міс. - 9,81 грн.
3 міс. - 29,43 грн.
6 міс. - 58,86 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього
періода та пенсіонерів)

ИНДЕКС 37104
1 міс. - 10,12 грн.
3 міс. - 30,36 грн.
6 міс. - 60,72 грн.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

(індекс видання)

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

(найменування видання)

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс)

(адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ	місце	літер

ДОСТАВКА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

(найменування видання)

Вартість	передплата	Кількість компл.
----------	------------	------------------

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

01001

код вулиці

буд.

корп.

кв.

місто

село

область

район

вулиця

прізвище, ініціали

Передплату можно оформити за тел. (044) 207-97-25, на сайті makret.umh.ua, або в будь-якому відділенні Укрпошти

ДРАЙВ-ТАЙМ

з ЄВГЕНОМ ЖИГУНОМ

ГОЛОС
СТОЛИЦІ
слухай, щоб знати

106^{FM}

ЩОНЕДІЛІ | 17:00

